

РЫЛЕЕВ НА СЛЕДСТВИИ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ О ДЕКАБРИСТАХ

Публикация, вступительная статья и примечания Т. Г. Снытко

Первой фамилией, названной задержанными еще на площади и доставленными в Зимний дворец участниками восстания 14 декабря, была фамилия «сочинителя Рылеева», «внушению» которого приписывались происшедшие события.

Однако вряд ли тогда, 14 декабря вечером, Николай I впервые услышал о Рылееве как о главе Тайного общества. Во всяком случае, есть достаточные основания предполагать, что уже 12 декабря Ростовцев, — хотя он и пытался утверждать, что никто из членов Тайного общества не был им при свидании с Николаем выдан, — назвал фамилию Рылеева и других руководителей Северного общества.

В двенадцатом часу ночи флигель-адъютант полковник Дурново доставил арестованного Рылеева, и Николай, писавший в это время письмо брату Константину в Варшаву, добавил новые строки: «В это мгновение ко мне привели Рылеева. Эта поимка из наиболее важных»¹.

В Зимнем дворце Николай I, в присутствии Бенкендорфа и Толя, сначала лично допросил Рылеева, а затем приказал ему изложить свои показания письменно. Краткость рылеевских записей не удовлетворила царя. Желая добиться большего, он, повидимому, предложил Рылееву написать на следующий день показания более подробные. Коменданту Петропавловской крепости генералу Сукину Николай I отдал распоряжение посадить Рылеева в Алексеевский рavelин, но рук ему не связывать и предоставить возможность писать. 16 декабря Рылеев прислал Николаю I из крепости большое письмо, содержание которого мало чем отличалось от записей, сделанных им в Зимнем дворце.

Так началось следствие. Созданный 17 декабря Следственный комитет (позже переименованный в Комиссию) всеми способами стремился выяснить, какова была роль Рылеева в Северном тайном обществе и с кем из других участников восстания он был связан.

За время следствия Рылеев был подвергнут пяти допросам и двенадцати очным ставкам; семьдесят восемь раз он давал письменные ответы на «вопросные пункты». В течение пяти месяцев Рылеева не оставляли в покое почти ни на один день.

Рылеев был главой Тайного общества, и потому ему приходилось давать показания о причастности к «заговору» нескольких десятков подозреваемых правительством лиц; о нем самом говорили или, по крайней мере, упоминали в своих показаниях почти все, подвергнутые допросу, имя его фигурировало в большинстве протоколов заседаний Следственной комиссии. Между тем в научный оборот вошла только часть следственных материалов о Рылееве, опубликованных в сборниках «Восстание декабристов». Лишь в том случае, если бы фонд Следственной комиссии был опубликован полностью, мы располагали бы всем следственным материалом о Рылееве. Однако начатое в 1925 г. Центрархивом и продолжаемое в настоящее время Центральным государственным историческим архивом издание сборников «Восстание декабристов» ставило своей задачей опубликовать следственный материал по делу

лишь тех участников тайных обществ, которые были преданы Верховному уголовному суду. Эта публикация должна была охватить около четверти всех дел Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, но и она осуществляется крайне медленно — вышло всего восемь томов (№№ 1—6 и 8—9), что составляет лишь половину того, что было намечено к изданию. Между тем в настоящее время, когда республиканское крыло Северного общества, возглавлявшееся Рылевым, привлекает к себе особенное внимание советских историков, публикация всех имеющихся у нем материалов, разбросанных в многочисленных делах Следственной комиссии и не вошедших в изданные томы сборников «Восстание декабристов», представляется совершенно необходимой.

* * *

Первую часть нашей публикации составляют показания Рылеева, собственноручно написанные им в ответ на «вопросные пункты» Следственной комиссии.

Эти документы содержат ценнейшие сведения о литературной и политической деятельности Рылеева, о его связях с другими членами тайных обществ и некоторые данные, существенные для общих вопросов декабристского движения. Кроме того, они дают представление о том, как вел себя Рылеев на следствии, доказывают, что даже в условиях строгого заключения он пытался продолжать борьбу с правительством. Рылеев настойчиво отрицал участие в декабристском движении тех лиц, о которых Следственная комиссия сведениями не располагала. Таков был один из методов этой борьбы. Когда имелась хотя бы небольшая возможность отрицать чью-либо принадлежность к Тайному обществу или причастность к восстанию, Рылеев неизменно отрицал ее. «Не знаю», — вот постоянный лейтмотив публикуемых здесь показаний Рылеева.

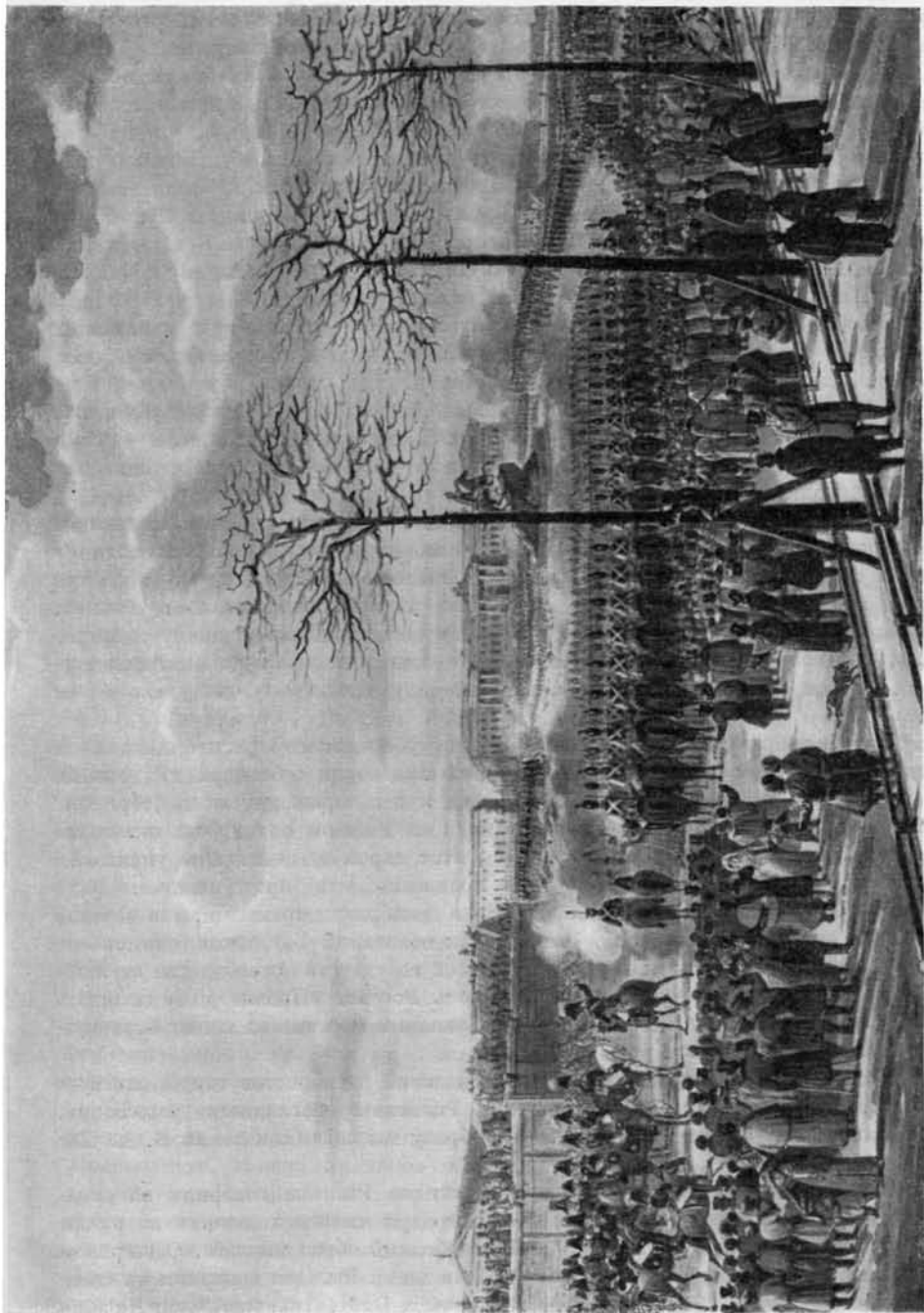
Он отрицает не только принадлежность к Тайному обществу А. Е. Розена, но даже осведомленность этого декабриста о намерениях и планах Общества, хотя активная роль Розена в подготовке восстания была ему отлично известна: именно через Розена Рылеев поддерживал связь с офицерами л.-гв. Финляндского полка. Более того, Рылеев утверждает, что ему ничего не известно о причастности к восстанию офицеров этого полка, хотя, несомненно, об их готовности поддержать восставших ему рассказывали и Розен и Е. П. Оболенский, организовавший совещания офицеров полка у Репина. Некоторых из них Рылеев видел сам на совещании у Оболенского 12 декабря.

Рылеев заявил, что совершенно не знает Н. В. Шереметева, хотя сам он, по свидетельству А. А. Бестужева, сообщил ему, что Шереметев принят в члены Общества.

Отрицал Рылеев принадлежность к Обществу всех лиц, которые никем, кроме него, не могли быть уличены (Антропов, Романов); отрицал причастность к Тайному обществу лиц, даже заведомо известных всем членам Общества (М. А. Назимов, К. П. Оболенский 2-й, А. М. Миклашевский, А. Н. Андреев, Н. В. Путята).

Утверждая, что О. М. Сомов не был членом Тайного общества, Рылеев, однако, ни одним словом не обмолвился о том, что Сомов знал состав, намерения и планы Общества и, наравне с членами Общества, часто присутствовал на беседах и совещаниях. Свое показание о Ф. Н. Глинке Рылеев построил так, что, умолчав об осведомленности Глинки о восстании, он тем самым давал возможность тому все отрицать.

Нельзя также назвать «откровенными» показания Рылеева о группе членов Союза Благоденствия, упомянутых полковником Бурцовым. По утверждению Штейнгеля, Рылеев знал членов Союза Благоденствия, вышедших из Союза после московского съезда; ему не могло не быть известно «политическое прошлое» таких людей, как Катенин, А. А. Оленин, Чаадаев и другие: он часто встречался с ними. Рылеев настойчиво отрицал свою осведомленность о деятельности членов Тайного общества на Кавказе. Рылеев утверждал, что никто во всем Петербурге не имел подобных сведений. На самом деле слухи о кавказском Тайном обществе ходили не только среди членов Северного и Южного обществ, но и в широком кругу гвардейских и армейских офицеров. Трубецкой, Каховский и другие показали, что Рылеев знал о докладе

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

Акварель К. И. Кольмана, 1830-е гг.

Исторический музей, Москва

Волконского, написанном после возвращения с Кавказа. Тесная дружба Рыльева с Якубовичем (которого Рылеев принял в члены Северного общества), особый интерес декабристов к положению на Кавказе и те надежды, которые они возлагали на кавказский корпус и Ермолова², позволяют со всей решительностью отвергнуть показания Рыльева, будто бы никаких бесед с Якубовичем о Кавказе у него не было. Даже менее близкий Якубовичу Батеньков признался, что вел с Якубовичем беседы об условиях, которые могли бы способствовать организации на Кавказе военного восстания.

Не менее сомнительны также упорные утверждения Рыльева, будто между членами Тайного общества и Сперанским, Ермоловым, Мордвиновым не было никаких связей, будто в Обществе не велись даже и разговоры об этих лицах. Существует множество свидетельств, что подобные разговоры безусловно велись. Кстати, в доме Мордвинова Рылеев был «своим человеком», а поклоны, посылавшиеся ему с Кавказа Ермоловым, говорят о том, что Рылеев был знаком и с ним³.

Материалы второго отдела настоящей публикации — «Рылеев в показаниях декабристов» — содержат данные о личности Рыльева, о его политических взглядах, литературной деятельности, о его роли в движении.

Показания товарищей Рыльева по Первому пажескому корпусу — Булатова и Розена, показания его племянника — Малютина, сослуживца по армии — Назимова, показания близкого знакомого семьи Рыльева — Ф. Н. Глинки и других дают новые штрихи для изучения его биографии.

Показания Батенькова, Штейнгеля, Искрицкого, Оржицкого, Бриггена говорят о Рылееве как о вожде Северного общества и организаторе восстания. В показаниях Штейнгеля отражена революционная решимость Рыльева, считавшего, что, несмотря на донос Ростовцева, подготовка к восстанию должна продолжаться. Рылеев, как показал М. И. Пущин, учитывал, что против восставших могут двинуть артиллерию, и предполагал противодействовать ей с помощью кавалерии, которая внезапным налетом захватит пушки, «если генералу Сухозанету вздумалось бы стрелять».

Подлинный образ Рыльева-революционера, убежденного республиканца и непримиримого врага «власти тиранской, которую присвоили себе цари над равным себе народом», создается показаниями Булатова и некоторых других декабристов. Характерны приводимые Д. И. Завалишиным слова Рыльева о том, что отдельные реформы не улучшат существующего строя; этот строй должен быть уничтожен целиком; «улучшать что-либо в настоящем правлении есть преступление». В то время, когда русские либералы и даже некоторые декабристы правого крыла мечтали о конституция по типу английской, Рылеев, как показывал Батеньков, считал, что Англия находится в рабстве и последней из всех государств освободится от него. Рылеев предвидел будущую революционную роль России. «Прочие должны ждать всего от России», — заявлял он, — так как революция в России «не может быть прекращена чужеземною силою».

Значительная часть публикуемых нами показаний декабристов свидетельствует об огромной популярности Рыльева-поэта, Рыльева-пропагандиста революции, который «хоть кого обратит к свободному образу мыслей» (показания В. А. Дивова).

О революционно-воспитательном значении стихов Рыльева говорили на следствии многие. Они утверждали, что именно благодаря чтению ходивших по рукам стихов Пушкина и Рыльева сложился у них «свободный образ мыслей». О широком распространении легальных и нелегальных произведений Рыльева говорили на следствии М. Н. Паскевич, А. П. Беляев, А. М. Муравьев, В. Н. Лихарев, А. В. Поджио и другие.

Следует подчеркнуть, что декабристы воспринимали стихи Рыльева как призыв к *практическому* революционному действию. Настало то «роковое время», о котором писал Рылеев, — так воспринимала период междуцарствия молодежь и требовала действий, чтобы оправдать высокий «гражданина сан» (показания А. П. Беляева). Даже немолодой полковник Булатов, отправляясь 14 декабря на Сенатскую площадь

и зарядив пистолеты, сказал брату, цитируя Рыльева: «...и у нас явятся Бруты и Риеги, а может быть, и превзойдут тех революционистов».

Рылеев знал силу художественного слова и рассматривал его как оружие в борьбе с самодержавием и крепостничеством, как средство революционного воспитания народа. В полемике с Батеньковым Рылеев доказывал необходимость распространения «свободных стихотворений». Поджюно показал, что Рылеев ставил своей задачей «действовать на умы народа» сочинением агитационных песен и стихов. Не без оснований на вопрос Следственной комиссии — «кто более всех способствовал к достижению целей Общества своими сочинениями и влиянием», А. М. Муравьев, Назимов, Оржицкий и другие назвали Рыльева.

* * *

Публикуемые нами материалы не только дают более полное представление о Рылееве как о революционном поэте и руководителе Северного общества, но, кроме того, убедительно показывают, насколько односторонне обычно оценивалось его поведение на следствии.

Русская либерально-дворянская историография, отрицавшая революционный характер и историческую закономерность движения декабристов, особенно часто обращалась к вопросу о поведении Рыльева во время следствия.

Н. А. Котляревский, посвятивший Рылееву специальную работу, характеризуя движение декабристов, утверждал, что «поэзия как таковая была одним из главных факторов всего этого политического движения». Отсюда делался логический вывод, особенно четко сформулированный Довнар-Запольским, что поэт Рылеев, будучи «фантазером», «восторженным идеалистом», столкнувшись с действительностью, признал беспочвенность своих мечтаний, «раскаялся» и на первых же допросах не только «откровенно признался» во всем, но и «выдал своих товарищей»⁴.

Аналогичная характеристика поведения Рыльева на следствии давалась и М. Н. Покровским. Пытаясь противопоставить Северное общество Южному и в особенности Славянскому обществу и всячески раздувая их взаимный антагонизм, Покровский в предисловии к I тому «Восстания декабристов» утверждал, что показания Рыльева 14 и 16 декабря «с их назойливой выдачей Пестеля, с их попытками спасти себя ссылкой на свое положение „отца семейства“», были его «моральной смертью». «Он не рассчитывал, не маневрировал: после первых показаний ему отступать было некуда. Он медленно и мучительно умирал»⁵.

Однако характеристика Рыльева и оценка его поведения во время следствия как либерально-буржуазными историками, так и Покровским — одинаково неверна и явно предвзята.

На чем основано утверждение, будто Рылеев 14 и 16 декабря дал такие показания, которые можно характеризовать как «моральную смерть»? Каждый, прочитав эти показания и сравнив их с выводами, сделанными Покровским, убедится, что выводы Покровского не имеют под собой никаких оснований.

Так, например, восстание на Сенатской площади Рылеев в своем показании, данном ночью 14 декабря, объясняет нежеланием изменить уже принятой присяге Константину. Можно ли такое показание назвать «откровенным»? Неужели кто-нибудь всерьез полагает, что Рылеев настаивал на восстании для того, чтобы не изменить присяге Константину?

Рылеев говорил, что «причиной всех беспорядков и убийств» он считает Трубецкого, который не явился на площадь. Это заявление, действительно, можно назвать откровенным. Оно совпадает с показаниями Оржицкого и других⁶. Но и это показание ни в какой мере не свидетельствует о раскаянии Рыльева, о его «моральной смерти».

Рылеев, действительно, подтвердил, что в Петербурге существует Тайное общество. Но это вовсе не доказывает его откровенности. Ему было отлично известно, что Николай I еще за два дня до восстания был подробно извещен Ростовцевым о планах декабристов, и отрицать факт существования Тайного общества было бы бессмыслицей.

Целью Тайного общества Рылеев назвал установление в России «конституционной монархии». Вряд ли можно признать это показание откровенным: Рылеев, как известно, в это время был убежденным республиканцем.

Рылеев, действительно, назвал на следствии десять фамилий членов Тайного общества, заявив при этом, что «всех виновных выдал». «Выдачи» тут по сути дела никакой не было: названные Рылеевым лица были и до показаний Рылеева известны Николаю. Если Николай I знал, что Рылеев — руководитель Тайного общества (вспомним его слова в письме к Константину: «эта поимка из наиболее важных»), то, безусловно, знал он и о Трубецком, и о Никите Муравьеве, и о ряде других лиц. Ведь нельзя же верить, как мы уже отмечали, на слово Ростовцеву, будто он ни в письменном доносе, ни в личной беседе с Николаем не назвал никого по фамилии. Некоторые декабристы были уверены, что Ростовцев назвал, по крайней мере, виднейших членов Тайного общества. Н. А. Бестужев доказывал Рылееву, что Николай I арестует их сразу после присяги⁸.

Покровский утверждает, будто Рылеев пытался спасти только себя. Это тоже неверно. В конце первого показания Рылеев просил «пощадить молодых людей, вовлеченных в Общество». Во втором показании, обращаясь к Николаю, он просил: «...будь милосерд к моим товарищам: они все люди с отличными дарованиями и прекрасными чувствами». В более поздних показаниях Рылеев писал, что признает себя «главным виновником происшествий 14 декабря», что он многое «скрывал, не столько щадя себя, сколько других». Не о «раздавленном», отрешенном от своих убеждений человеке говорит и приписка к первому показанию Рылеева, сделанная генерал-адъютантом Толем. Когда Толь заявил, что «революции затевают для собственных расчетов», Рылеев гордо и «весьма холодно» ответил: «Не взирая на то, что вам всех виновных выдал, я вам скажу, что для счастья России полагаю конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем мнении»⁹.

Рылеев сказал «конституционное правление», а не «конституционную монархию». Можно ли показания, заканчивающиеся таким заявлением, назвать «моральной смертью» Рылеева?

Буржуазные либеральные историки, а также Покровский особенно настойчиво указывали на тот пункт в ответах Рылеева 14 и 16 декабря, где он заявлял, что на юге существует Тайное общество, руководимое Пестелем. Вывод, будто Рылеев выдал Пестеля и Южное общество, сделан поспешно, без учета характера и сущности показаний Рылеева. Даже поверхностный анализ его показаний этого вывода не подтверждает.

Записи показаний декабристов на первых допросах, как правило, вели сами допрашивавшие (главным образом генерал Левашов), аккуратно записывая и свои вопросы и ответы допрашиваемых. По заданным вопросам арестованные часто получали представление о степени осведомленности правительства и в зависимости от этого давали свои показания. В мемуарах декабристов много свидетельств, доказывающих, что дело обстояло именно так. Оболенский, например, заявляет, что об аресте Рылеева он узнал из заданных ему вопросов¹⁰.

Рылеев свои первые показания записал сам. Поэтому нам неизвестно, какие именно вопросы задавались ему. Но, вдумываясь в структуру показаний Рылеева, смысл вопросов не трудно восстановить. Можно сказать с полной уверенностью, что последний вопрос был задан Рылееву о Южном обществе, о его составе и связях с Северным обществом. Было бы удивительным, если бы Николай I, хорошо осведомленный о Южном обществе из доносов Шервуда и Майбороды, не спросил Рылеева о взаимоотношениях между Северным и Южным тайными обществами. Как видно, Рылеев понял, что Южное общество уже раскрыто и потому, желая создать впечатление полной откровенности, показал, что знает о существовании Тайного общества, руководимого Пестелем. При этом он добавил: «кто же оно составляет я не знал и не знаю теперь». Эта формулировка показания тоже свидетельствует, что оно является не собственным заявлением Рылеева, а ответом на вопрос. Откровенности в этих показаниях Рылеева нет: можно не сомневаться, что он знал по именам большинство членов Южного общества, однако не назвал ни одного.

В той части своих показаний, где Рылеев просил принять меры к предотвращению восстания на юге, он, быть может, и был искренен. Убедившись на Сенатской площади в неосновательности надежд на то, что «солдаты в своих стрелять не будут», видя незначительность сил Южного общества и безрезультатность попытки помешать восшествию на престол Николая I, учитывая осведомленность правительства о действиях тайных обществ, Рылеев мог действительно пытаться предупредить кровопролитие на юге, ибо в победу восстания уже не верил.

П. И. ПЕСТЕЛЬ, К. Ф. РЫЛЕЕВ, С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, М. П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН,
П. Г. КАХОВСКИЙ

Фарфор завода им. М. В. Ломоносова, 1925 г.
Собрание В. А. Десницкого, Ленинград

Таким образом, из объективного изучения показаний Рылеева, данных им 14 и 16 декабря, отнюдь не вытекает, что он «не рассчитывал» и «не маневрировал».

Защищая память поэта-революционера от наветов буржуазных историков, не следует, однако, забывать, что Рылеев и декабристы нуждаются не столько в защите, сколько в правильном понимании их классовой сущности как «дворянских революционеров».

Декабристы не были профессиональными революционерами, ощущающими силу народной поддержки: собственный их класс был враждебен им, а народ не понимал их. Вот чем было обусловлено поведение декабристов на следствии.

За все время следствия лишь один раз — 18 марта 1826 г. — было сказано, что «14 декабря не мятеж (<...>), но первый в России опыт революции политической»¹¹. Так заявил Батеньков, но и он через несколько дней попросил изъять это заявление из следственного дела.

Не был исключением и Рылеев. Характерные черты декабристов как «дворянских революционеров» свойственны и ему. Измена Трубецкого и некоторых других членов Тайного общества, кровавое подавление восстания, крах всех расчетов и надежд не могли не вызвать в нем временного упадка духа, смущения, растерянности. В этом состоянии Рылеев и попал на допрос. Первые показания его не были хладнокровно и всесторонне обдуманы: он не успел еще оценить ситуацию и избрать твердую линию поведения на следствии.

Но декабристы, критиковавшие впоследствии некоторые показания Рылеева, все же признавали, что Рылеев никогда не руководствовался желанием спасти себя. «Со всем тем, — писал Н. А. Бестужев, — это не были ни ложные показания на лица, ни какие-нибудь уловки для своего оправдания; напротив, он, принимая все на свой счет, выставлял себя причиной всего, в чем могли упрекнуть Общество».

Вскоре, однако, Рылеев установил общую линию поведения на следствии. Он решил, создавая впечатление искренне раскаявшегося и откровенного преступника, уступать лишь в том, чего отстоять уже было нельзя. Но чем дальше продолжалось следствие, чем отчетливее выяснялась роль Рылеева, тем меньше оставалось у него возможностей маневрировать.

«Сверх того, — писал Н. А. Бестужев, — <Следственный> Комитет употреблял непозволительные средства», используя в своих целях разрешение свиданий и переписки с родными, обещая милости, угрожая пыткой. «Все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылеева...»¹².

Инквизиционный дух следствия, показания других арестованных, коварная тактика Николая I, оказавшего семье Рылеева некоторые «милости», — все это вместе заставило Рылеева после четырех месяцев отрицаний сделать роковое признание: он признался, что считал «необходимым истребление всей царствующей фамилии»¹³.

Признание Рылеева вызвало злобу всех членов царской семьи, и с этого момента участь его была решена.

Надо, однако, указать, что, даже сделав это признание, Рылеев не был откровенен до конца, и Следственная комиссия, получив его показания, в своем постановлении от 25 апреля записала: «Послать в Свеаборг за капитан-лейтенантом Торсоном, который нужен для уличения Рылеева»¹⁴. Закончив следствие, Комиссия в своем доведении Николаю I пишет: «Рылеев не во всем сознается»¹⁵.

* * *

В заключение надо сделать несколько замечаний об особенностях данной публикации.

Показания самого Рылеева все извлечены из неизданных следственных дел и приводятся без сокращений.

Но показания других лиц о Рылееве опубликовать целиком не представляется возможным: показаний этих слишком много. Для второй части публикации прежде всего отобраны те документы, которые содержат сведения о литературной и революционной деятельности Рылеева, причем в целях экономии места ответы следственных в большинстве случаев приводятся не целиком, а в выдержках.

В первой части публикации показания Рылеева расположены в алфавитном порядке по фамилиям лиц, которым они посвящены. Если об одном лице Рылеев давал несколько показаний, они приводятся в хронологической последовательности. Ответы, касающиеся сразу нескольких лиц, даны тоже в алфавитном порядке по фамилии первого упоминаемого лица. Ответы Рылеева на некоторые общие вопросы

о деятельности Тайного общества, а также показания о его личных делах помещены нами в конце первой части публикации.

Во второй части публикации показания располагаются тоже в алфавитном порядке по фамилиям лиц, которые давали эти показания. Если показаний одного лица несколько, они приводятся в хронологическом порядке. В конце второй части помещена выписка из журнала заседания Следственной комиссии об очной ставке Горсткина и Кашигина с И. И. Пушиным, где говорится об обсуждении поэмы Рыльева «Войнаровский» на собрании у А. А. Тучкова.

Вопросы Следственной комиссии в полном или сокращенном виде приводятся лишь в тех случаях, когда без них ответы были бы не понятны. Во всех остальных случаях содержание вопросов Комиссии дается в кратких заглавиях документов.

О тех лицах и тех конкретных событиях, которые упоминаются в публикуемых нами документах, сведений мы не даем. Это — особая тема, требующая специальных и обширных разысканий. Она увела бы нас слишком далеко от основной задачи настоящей публикации. Наша цель — ввести в научный оборот свидетельства о Рылееве, содержащиеся в следственных делах других декабристов и не изданные до сих пор. О лицах, чьи показания о Рылееве мы публикуем, мы даем в примечаниях краткие сведения.

Текст документов воспроизводится по новой орфографии, с исправлениями орфографических ошибок и пунктуации.

Часть публикуемых документов уже была использована в исследовательских работах С. Н. Черновым, М. В. Довнар-Запольским, В. И. Семевским, М. В. Печкиной, К. Д. Аксеновым и другими, однако мы не считали возможным на этом основании исключать их из нашей публикации. Из следственных материалов Рыльева, не вошедших в изданные томы «Восстания декабристов», в нашу публикацию не включено лишь показание Рыльева по делу Грибоедова, так как оно неоднократно публиковалось полностью¹⁰.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Цит. по сб. «Междоусобице 1825 года и восстание декабристов». М. — Л., 1926, стр. 146.

² Н. Р. Цебриков писал: «Если бы в нем <Ермолове> было более патриотизма, если бы он в обстоятельствах того времени и какого-то трепетного ожидания от него людей, ему преданных и вообще всех благородномыслящих, не ограничился каким-то непонятным равнодушием, увлекшим его в бездейственность и какую-то апатию <...>, Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц и потом смерть пяти мучеников, мог бы дать России конституцию...» («Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», вып. 2. 1861, стр. 241—245).

³ В. Е. Якушкин. К литературной и общественной истории. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 593.

⁴ Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары, стр. X.

⁵ ВД, т. I, стр. X.

⁶ ЦГИА, ф. № 48, д. 382, лл. 15—16.

⁷ ВД, т. I, стр. 152—153.

⁸ «Общественные движения», т. I, стр. 222.

⁹ ВД, т. I, стр. 152, 153, 155, 180.

¹⁰ «Из вопросов комиссии я понял, что Рылеев разделяет общую участь» («Материалы к биографии Рыльева». — «Всемирный вестник», 1907, № 11, стр. 46).

¹¹ ЦГИА, ф. № 48, д. 359, лл. 90—91.

¹² Б е с т у ж е в ы, стр. 38—39.

¹³ 28 апреля 1826 г. Николай I сообщал матери: «Рылеев открыл вчера весь свой план относительно 14-го и сознался, что он действительно намеревался всех нас убить и отдать город во власть народа и войска» («Междоусобице 1825 года и восстание декабристов». М. — Л., 1926, стр. 201). Ср. также отрывок из дневника Марии Федоровны (там же, стр. 101).

¹⁴ ЦГИА, ф. № 48, д. 25, л. 351. О линии поведения Рыльева в Следственной комиссии см. соображения Ю. Г. Оксмана. — Рылеев. Стих., стр. 505—506.

¹⁵ «Материалы для русской истории за первую половину XIX века». — «Русский архив», 1881, кн. 11, стр. 313.

¹⁶ Считаю не лишним напомнить основное содержание рылеевских следственных материалов, опубликованных в сборниках «Восстание декабристов».

В первом томе опубликовано следственное дело Рылеева. В состав этого дела входят: формулярный список Рылеева, его ответы на вопросы о воспитании, десять письменных показаний о деятельности Тайного общества, протоколы очных ставок с А. А. Бестужевым, Каховским, Торсоном и выдержки из показаний других декабристов о Рылееве (стр. 147—218).

В деле С. П. Трубецкого опубликованы многие документы, характеризующие Рылеева как инициатора и организатора восстания, в частности — показание о том, что Рылеев принял в Тайное общество Грибоедова (стр. 1—145). Здесь же протокол очной ставки Рылеева с Трубецким (стр. 149—153).

В показаниях Оболенского имеются сведения о революционной, литературной и пропагандистской деятельности Рылеева. Оболенский показал, что Рылеев поручил Каховскому убить 14 декабря Николая I (стр. 248). Это показание подтвердил и Каховский. В деле Каховского опубликованы два протокола очных ставок Рылеева с ним (стр. 358, 365—367).

Дело А. А. Бестужева тоже насыщено ценными сведениями о Рылееве (стр. 423—473). В этом деле содержатся показания Рылеева о планах уничтожения царской семьи (стр. 464).

В остальных делах, опубликованных в первом томе, тоже имеются сведения о Рылееве, но менее значительные. В деле Д. А. Щепина-Ростовского находится протокол его очной ставки с Рылеевым и показания Рылеева о нем (стр. 406—407).

Во втором томе сведений о Рылееве меньше. В деле А. П. Арбузова подчеркивается стремление Рылеева усилить влияние Тайного общества во флоте. Здесь опубликованы два показания Рылеева и протокол очной ставки его с Арбузовым (стр. 14—16). Стремление Рылеева создать Тайное общество в Балтийском флоте подтверждает также и Н. А. Бестужев.

В. К. Кюхельбекер в своих показаниях сообщил содержание разговоров с Рылеевым о Тайном обществе (стр. 167).

В деле И. И. Пущина имеются показания о том, что он принял в Тайное общество Рылеева, и о роли Рылеева в Обществе. Здесь же опубликованы и показания Рылеева о Пущине (стр. 210—238).

В показаниях Одоевского знаменательно заявление, что он вошел в Тайное общество под влиянием Рылеева и Бестужева (стр. 246).

О кипучей деятельности Рылеева по подготовке восстания и об осведомленности его о положении дел в Южном обществе говорят документы из дела Якубовича (стр. 287—297). Показания Рылеева имеются в делах Н. Р. Цебрикова (стр. 319) и Н. П. Репина (стр. 367).

В этих же делах находятся некоторые сведения о Рылееве и о его связях с другими членами тайных обществ.

В третьем томе наибольшее количество интересных сведений о Рылееве содержится в деле Д. И. Завалишина. Завалишин часто приводит содержание своих разговоров с Рылеевым. Однако, учитывая недоброжелательное отношение Завалишина к Рылееву и вообще склонность Завалишина к преувеличениям, а иногда и вымыслам, его показания нельзя считать достоверными. Заслуживают внимания некоторые показания Завалишина о связях Рылеева с флотом, о его недоверчивости и осторожности. В деле Завалишина опубликованы два протокола очных ставок Завалишина с Рылеевым и пять показаний Рылеева о Завалишине (стр. 235—238, 256—261, 318, 328—331, 384, 388).

Некоторые сведения о Рылееве, о его намерении писать «Катехизис вольного человека» и «песни в преступном духе» и т. д. имеются в деле М. Ф. Митькова (стр. 206—207).

В деле П. А. Муханова опубликованы показания Рылеева, в которых он отрицает принадлежность Муханова к Тайному обществу (стр. 145—146).

В четвертом томе наибольший интерес вызывают показания Пестеля о встрече и разговоре с Рылеевым в Петербурге (стр. 162). Из показаний Пестеля видно также что в сношениях Рылеева с флотскими офицерами было заинтересовано и Южное общество.

Сведения о распространении стихов Рылеева в Южном обществе имеются в деле С. И. Муравьева-Апостола (стр. 289). Упоминания о Рылееве содержатся и в некоторых других делах четвертого тома.

Из пятого и шестого томов можно извлечь лишь некоторые косвенные сведения о Рылееве.

В девятом томе интересные сведения о Рылееве содержатся в деле М. И. Муравьева-Апостола. Приехав в Петербург с поручениями Южного общества, Муравьев-Апостол вступил в постоянные и тесные сношения с Рылеевым. Так же, как Штейнгель, Муравьев-Апостол свидетельствует о намерениях Рылеева демократизировать Северное общество и «принимать членов между нашими купцами» (стр. 269).

М. П. Бестужев-Рюмин в своих показаниях писал, со слов М. И. Муравьева-Апостола, что Трубецкой и Н. Муравьев своим бездействием «связывают руки Оболенскому и Рылееву» (стр. 113).

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ
ОБЩЕСТВУ ПОДПОРУЧИКА А. П. АНДРЕЕВА

28 марта 1826 г.

Подпоручика Андреева в члены Общества я никогда не принимал, лично его никогда не знал и полагаю, что он должен быть один из двух офицеров Измайловского полка, приходивших ко мне накануне 14-го числа декабря вечером, когда уже не только членам моей отрасли, но и другим и едва ли не всем, кого даже и я не знал, стало известно, что совещания по делам Общества происходят в моей квартире. Ни о цели Общества, ни о средствах к достижению оной, равно и о том, будто бы Мордвинов, Сперанский и граф Воронцов знают о намерении Общества и одобряют оное, я никогда не говорил. Офицеры Измайловского полка, бывшие у меня накануне 14-го числа, пришли ко мне как уже давно принадлежавшие Обществу и говорили, что солдаты полку их совершенно готовы отринуть вторичную присягу. При этом был Пущин. Был ли кто еще, не помню.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

Одного из сих офицеров видел я дня за два до 13-го числа декабря на совещании у князя Оболенского. Накануне же 14-го числа ни сему офицеру, которого видел я прежде у Оболенского, ни другому, с ним у меня бывшему, поручений никаких делано не было, а, как выше показано, приходили они объявить, что солдаты Измайловского полка приготовлены против вторичной присяги.

(д. 389, лл. 15 об. — 16)*.

Андрей Николаевич А н д р е е в 2-й (1804?—1831) — подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Незадолго до восстания 14 декабря вступил в Северное общество. В первом показании Андреев заявил, что в члены Тайного общества его принял Рылеев, который будто бы сказал ему, что о существовании и деятельности Тайного общества знают члены Государственного совета — Мордвинов и Сперанский. Когда же Рылеев отверг это показание, то Андреев начал утверждать, что в члены общества его принял однополчанин, подпоручик Кожевников, а что с Рылеевым он познакомился лишь 13 декабря. Повидимому, первое показание Андреева более соответствовало действительности, но он от него отказался, желая помочь Рылееву оправдаться. После следствия и суда Андреев был отправлен в ссылку, где и погиб во время пожара в с. Верхояльском Иркутского округа.

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА О Н. А. АНТРОПОВЕ

19 мая 1826 г.

Антропов служит ротмистром, кажется, в Астраханском кирасирском полку. Принят в Общество ни мною, ни кем другим, сколько мне известно, не был. Во время же его пребывания в начале прошедшего года здесь в отпуску, однажды в общем разговоре о положении в России я, намекнув ему, что, может быть, обстоятельства скоро переменятся и что, по моему мнению, судя по общему неудовольствию, скоро должно вспыхнуть возмущению, я спросил его, на чьей стороне будет он. Он отвечал: «Разумеется на стороне народа». Но как дальнейшего испытания я сделать над ним не мог или, лучше сказать, не успел за скорым его отъездом отсюда, то и не решился ни открыться ему, ни принять его в Общество. В письме от 18 октября я обещал ему доставить некоторые бумаги, имея ввиду послать к нему рукописное сочинение Фонвизина *о необходимости законов* и другое — о причине упадка финансов и торговли в России.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 105, л. 4).

* Все дела Следственной комиссии хранятся в ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, поэтому в ссылках указаны только номера дел.

Николай Александрович Антропов* (1796—1851) — друг Рыльева, с которым он учился вместе в Первом кадетском корпусе, участник zahraniчных походов 1813—1814 гг., ротмистр Астраханского кирасирского полка.

3 января 1826 г. Антропов послал по почте письмо Рылеву. Письмо это было перехвачено и послужило поводом для привлечения автора к следствию по делу декабристов. «Жив ли ты, здоров ли ты, бесценнейший Кондратий Федорович? — спрашивал Антропов. — Это беспокоит меня и в голове моей вертятся только мрачные мысли <...> Худая обдуманность происшествий петербургских удивляет меня <...> Все совокупившиеся обстоятельства нынешних времен столько опечалили меня, что я наложил на себя траур, который буду носить до радостного дня» (ЦГВИА, ф. № 343, д. 220, л. 568—568 об.; по копии это письмо опубликовано в «Красном архиве», 1929, № 5, стр. 208).

В отношении на имя главнокомандующего 1-й армией Ф. В. Сакена военный министр Татищев писал: «Письмо сие по содержанию своему навлекло некоторое подозрение насчет принадлежности Антропова к числу членов упомянутого Общества» (ЦГВИА, ф. № 343, д. 197, л. 37). 18 мая 1826 г. Следственная комиссия запросила Рыльева об Антропове, который дал ответ, приведенный выше. Кроме Рыльева, были опрошены Трубецкой, Никита Муравьев, Оболенский, А. А. Бестужев, но все четверо показали, что совершенно ничего не знают об Антропове.

После составления Комиссией сводной записки об Антропове, последний по приказу Николая I был арестован и предстал перед Следственной комиссией при Главном штабе 1-й армии в Могилеве-Белорусском. Не располагая никакими вещественными доказательствами вины Антропова, кроме письма его от 3 января 1826 г. и очень сдержанного показания Рыльева, Комиссия не смогла обязать его в принадлежности к Тайному обществу. Приказ Николая I гласил: «Освободив его из-под ареста, отправить на службу с переводом в Нежинский конно-егерский полк, иметь за ним строжайший присмотр и чтоб о поведении его рапортовал мне полковой командир ежемесячно...» (там же, л. 90). Ежемесячные рапорты о поведении Антропова регулярно поступали на имя начальника Главного штаба до 20 ноября 1828 г., когда Николай I приказал: «Прекратить впредь таковые донесения <...> продолжая, однако же, тайный и бдительный надзор» (там же, л. 433 об.).

Умер Антропов 1 января 1851 г. в чине статского советника (ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., ч. 61, д. 231, л. 4).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ПОСЕЩЕНИИ ЕГО КВАРТИРЫ БАТЕНЬКОВЫМ ВЕЧЕРОМ 14 ДЕКАБРЯ

Январь <без числа 1826 г.>

Инженер-подполковник Батеньков после происшествия 14-го числа ввечеру действительно забегал ко мне на минуту и спрашивал, чем кончилось дело. Причем Пуцин, а не я: «Да вы где были? — спросил его с упреком. — Надобно было быть там». Что отвечал на это Батеньков, не помню. Но разговора более никакого не было, и Батеньков не оставался у меня и двух минут.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 359, л. 43).

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИЕМА В ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО Г. С. БАТЕНЬКОВА И О РОЛИ ЕГО В ОБЩЕСТВЕ

20 января 1826 г.

Когда я рассуждал с Трубецким о плане Общества и сказал ему: «До созвания Великого собора надобно ж быть какому-нибудь правлению», я потом спросил: «Кто же будет составлять оное?» — тогда Батенькова не было, и объявлял ли ему о том после Трубецкой, не знаю. Я же об том Батенькову не говорил ни слова, предполагая, что Трубецкой говорил с ним об том предварительно.

О поселениях Новгородских я говорил с Батеньковым неоднократно и несколько раз до вступления его в Общество. Он всегда был того мнения,

* Комментарий к показаниям Антропова принадлежит И. В. Пороху. — *Ред.*

что они в худом расположении против правительства и весьма недовольны своим состоянием. О Старорусских же поселениях он говорил со мною за несколько дней до 14 декабря, в то время, когда я рассуждал с ним о плане действия, предположенного Трубецким. Батеньков именно сказал тогда, что Новгородские поселения, особенно Старорусские, сильно негодуют и готовы возмутиться при первом случае. Это сказано было им без свидетелей. Вообще же о духе поселений, как помнится, говорил он раз при мне и Трубецкому.

Когда Батеньков сказал мне, что во Временное правительство надо назначить людей известных и когда я ему отвечал, что думают назначить Мордвинова и Сперанского, а он на то сказал: «Хорошо» — свидетелей также не было. Сказано же это Батеньковым было вследствие рассуждений наших с ним о плане Общества¹.

После происшествия 14 декабря я возвратился домой в чрезвычайном волнении и потому, истинно, не могу припомнить, при мне ли Пущин спросил Батенькова: «Да вы где были? Надобно было быть там», или он это рассказал, пришедши в комнату. Помню только, что Батенькова видел я мгновенно, также помню его вопрос: «Чем кончилось дело?». Отвечал ли я ему на это что-нибудь, также не помню.

Я и оба Бестужевы, Николай и Александр, давно имели намерение привяты Батенькова в Общество, полагая, что он будет очень полезен оному, как по своим дарованиям, так и по месту, которое он занимал при графе Аракчееве, и потому мы старались с ним сблизиться. Задолго еще до принятия его в Общество я и Бестужевы весьма часто говорили с ним о положении государства и, находя в нем, по нашему мнению, человека с обширными сведениями, любящего свое отечество и готового жертвовать собою для его блага, мы решились говорить с ним откровеннее и при случае открыться. Месяца за полтора до 14-го числа Александр Бестужев приходит ко мне раз вечером и объявляет, что с Батеньковым кончено: он наш. После чего я говорил уже с ним как с членом Общества, как о намерениях оного, так после и о плане действия. Николай и Александр Бестужевы также неоднократно с ним о том же говорили, об чем я слышал от них. По приезде Трубецкого, с его согласия, я познакомил с ним Батенькова, предуведомив и того и другого, что они сочлены, после чего они виделись довольно часто и раз в квартире Батенькова при мне, причем рассуждали о будущем правлении в России, и все согласно полагали, что предвсительное монархическое правление для России — самое удобное и самое приличное. О предприятии на 14 декабря Батеньков знал от меня и, думаю, еще от Трубецкого и Николая Бестужева. Батеньков был у меня вечером 13 декабря, и мы говорили о предприятии Общества, причем он спросил: «Все ли обдумал Трубецкой?». Утром 14 декабря он заезжал ко мне, но не застал меня дома. Потом я и Пущин встретили его у Синего моста и сказали, что надо быть на площади, но чтоб Батеньков советовал действовать на солдат именем государыни императрицы Елизаветы Алексеевны, того я не помню и того не говорил в высочайше учрежденном Комитете. Может быть, он говорил о том Трубецкому или кому-нибудь из Бестужевых.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(Там же, лл. 59 об. — 61 об.).

Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863) — подполковник Корпуса инженеров путей сообщения. Один из ближайших сотрудников М. М. Сперанского в период службы последнего генерал-губернатором Сибири. С 1823 г. член Совета главного над военными поселениями начальника. Член Северного общества. Участвовал в подготовке восстания 14 декабря. На Сенатской площади не присутствовал. Был арестован 28 декабря 1825 г. Приговорен к 20 годам каторжных работ с последующим поселением в Сибирь, однако по личному приказу Николая I был посажен в Але-

Кесовский равелин, где находился в одиночном заключении 20 лет. В 1846 г. отправлен на поселение в Томск.

¹ Каховский показал, будто Рылеев заявил ему: «Г. Сперанский наш». В другой же раз Рылеев будто бы сказал: «Он <Сперанский> будет наш. Мы на него действуем чрез Батенькова» (ВД, т. I, стр. 344).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ
ОБЩЕСТВУ Э. А. БЕЛОСЕЛЬСКОГО И Ф. А. ЩЕРБАТОВА

1 февраля 1826 г.

Ни князя Белосельского, ни князя Щербатова вовсе не знаю, и принадлежали ли они к Тайному обществу, мне неизвестно и ни от кого о том не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 255, л. 2).

Эспер Александрович Белосельский, кн. (1802—1846) — поручик л.-гв. гусарского полка. О существовании Тайного общества знал от Никиты и Александра Муравьевых, но членом его не был и в восстании 14 декабря не участвовал. К следствию не привлекался и репрессиям подвергнут не был.

Федор Александрович Щербатов, кн. (1802—1827) — поручик кавалергардского полка. К Тайному обществу не принадлежал, хотя о существовании его знал от Александра и Никиты Муравьевых. Преследованиям не подвергался.

Дело о Белосельском и Щербатове возникло в связи с показанием С. Г. Волконского о том, что он будто бы слышал от Никиты Муравьева, что они недавно приняли в Тайное общество. Н. Муравьев, однако, этого не подтвердил, заявив, что «было намерение их приобрести, но они на это не поддались и потому не были ни в каких сношениях с Обществом» (д. 255, л. 13).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
Н. П. ВОЕЙКОВА

15 февраля 1826 г.

Штабс-капитана Воейкова вовсе не знаю, не слышал о нем, и мне неизвестно, принадлежал ли он к числу членов Тайного общества, равно принимал ли участие в намерениях и действиях оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 187, л. 16).

Николай Павлович Воейков (ум. в 1871 г.) — штабс-капитан л.-гв. Московского полка, адъютант А. П. Ермолова. Приятель Якубовича, А. А. Бестужева, Грибоедова, Нарышкина и других декабристов. 14 декабря был на Сенатской площади, но не в каре. Арестован в январе 1826 г. по подозрению в принадлежности к кавказскому Тайному обществу. Освобожден с «очистительным аттестатом».

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ А. И. ГАГАРИНЕ И ДРУГИХ ОФИЦЕРАХ
ГВАРДЕЙСКОЙ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ, БЕЖАВШИХ ИЗ-ПОД АРЕСТА
УТРОМ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г. К И. И. ПУЩИНУ

21 марта 1826 г.

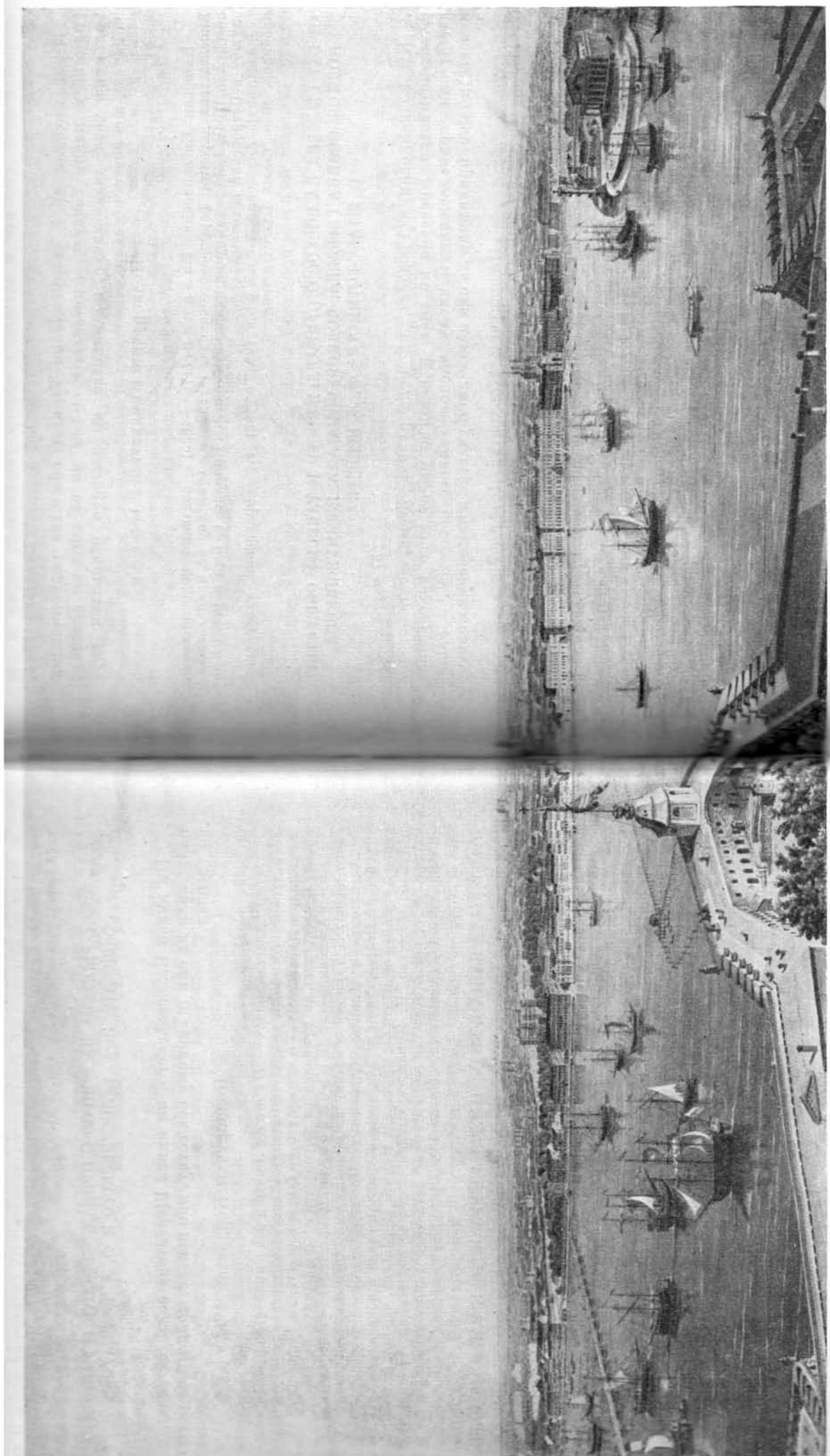
Один из сих офицеров, о коих говорил Пущин, должен быть князь Гагарин; другого ¹ не знаю, но при сем долгом справедливости почитаю дополнить, что, по словам Пущина и сколько мне самому известно — ни один из офицеров конной артиллерийской роты, коей офицеры не хотели присягать 14 декабря, не принадлежал Тайному обществу и не знал о намерениях оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 244, л. 25 — 25 об.).

Александр Иванович Гагарин, кн. (1801—1857) — прапорщик л.-гв. конной артиллерии. Сторонник декабристов. 14 декабря отказался присягать Николаю I, за что был арестован. Из-под ареста бежал на квартиру к Пущину. Присутствовал на Сенатской площади. К следствию не привлекался.

¹ Другой — К. Д. Лукин (см. о нем стр. 193 настоящего тома).

ВИД ПЕТЕРБУРГА С НАРЪШКИНСКОГО БЕРЕГА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В крепосте крепости 13 июля 1826 г. явились вожди восстания декабристов

Акварель неизвестного художника, 1830 г.

Исторический музей, Москва

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ПОДПОЛКОВНИКА В. Е. ГАЛЯМИНА И МАЙОРА А. А. ТОКАРЕВА

25 января 1826 г.

Принадлежали ли к числу членов Тайного общества подполковник Галямин и майор Токарев — не знаю и об том ни от кого не слышал. Галямина хотя знаю лично, но никогда не решался открыться ему. Токарева же вовсе не знаю.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 244, л. 18).

Валерьян Емельянович Галямин (1794—1855) — светский подполковник. Впоследствии директор фарфорового завода. К Тайному обществу не принадлежал, но обещал П. П. Коновницкому не принимать присяги Николаю I. Был переведен на службу в Петровский пехотный полк.

Александр Андреевич Токарев (ум. в 1821 г.) — орловский губернский прокурор. Член Союза Благоденствия.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ПОДПОЛКОВНИКА ГВОЗДЕВА, ПОДПОРУЧИКА А. А. ЖЕМЧУЖНИКОВА
И ШТАБС-РОТМИСТРА Ф. Л. БРЕВЕРНА

27 марта 1826 г.

Ни подполковника Гвоздева, ни подпоручика Жемчужникова, ни штабс-ротмистра Бреверна не знаю и никогда ни от кого не слышал, чтобы они принадлежали к числу членов Тайного общества, а равно неизвестно мне, принимали ли они какое-либо участие в намерениях одного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 135, л. 13).

Гвоздев (ум. в 1828 г.) — подполковник квартирмейстерской части. По показаниям П. П. Титова, был принят в его полууправу в ноябре 1825 г. В деятельности Тайного общества не участвовал, к следствию не привлекался, но находился под секретным надзором.

Антон Аполлонович Жемчужников — подпоручик квартирмейстерской части. По показаниям Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева и Нарышкина, был членом Союза Благоденствия, а по показаниям П. П. Титова, был принят в его полууправу в ноябре 1825 г. К допросу Жемчужников не привлекался. По приказу Николая I за ним было учреждено строгое наблюдение.

Федор (Фридрих) Логгинович Бреверн (род. в 1799 г.) — штабс-ротмистр конного полка, адъютант командующего 1-й армией. О существовании Тайного общества знал. В показаниях П. П. Титова назван «полусогласившимся». К следствию не привлекался. Был оставлен на службе с учреждением за ним тайного надзора.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
Ф. Н. ГЛИНКИ

26 января 1826 г.

По вступлении моем в Общество с Федором Глинкою я имел частые свидания и, полагая его в числе членов Общества, нарочно склонял разговор к цели и намерению одного, но, слыша от него общие суждения и никогда ничего решительного, уведомил о том Трубецкого, который сказал мне на то: «Его надо оставить в покое, он нам бесполезен», что я и исполнил. Несмотря на то, общие суждения при каждом свидании моем с Глинкою продолжались. Так случилось и пред 14 декабря, кажется дня за два. Разговаривая о настоящем положении дел, я ему сказал, что Общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. Он на это мне сказал только: «Смотрите, господа». В дальнейшие суждения о предприятии

14 числа я с ним не входил, ибо, несмотря на слова Трубещного, я полагал его в числе главнейших членов Общества и что ему, следовательно, все движения Общества безызвестны.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 63, л. 4 об.).

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — поэт, полковник, член Союза Спасения и Союза Благоденствия. В позднейших тайных обществах формально не состоял, но, имея тесные связи с Рылевым, Бестужевым, Оболенским, Трубещким и др., знал о существовании Северного общества и о его планах. На следствии это отрицал. По окончании следствия переведен на гражданскую службу в Петрозаводск под надзор полиции.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
М. Ф. ГОЛИЦЫНА

21 февраля 1826 г.

Конной гвардии поручика князя Голицына вовсе не знаю, и принадлежал ли он к числу членов Тайного общества — мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 208, л. 12).

Михаил Федорович Голицын, кн. (1800—1873) — поручик л.-гв. конного полка. Дело о нем было заведено в связи с показаниями А. А. Плещеева и Ф. Ф. Вадковского о том, что А. И. Одоевский принял Голицына в Общество. Одоевский этого не подтвердил, заявив, что он предлагал Голицыну вступить в Тайное общество, но тот отказался. После пятимесячного пребывания под арестом при полку Голицын был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИЧАСТНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Д. ЗУБОВА, В. Х. ГРАВЕ, А. В. МАЛИНОВСКОГО,
А. Г. ВИЛЛАМОВА, К. О. КУЛИКОВСКОГО, А. И. ГАГАРИНА, И. А. БАЗИНА,
А. А. БУРНАШЕВА, Я. Г. НАСАКИНА I, Г. Г. НАСАКИНА II,
А. И. БОГДАНОВА, А. И. МОРЕНШИЛЬДА I, Ф. Б. МОРЕНШИЛЬДА II,
А. Ф. ГОЛЬТГОЕРА, А. Ф. НУМЕРСА, КРИНИЦЫНА И КН. ГОЛИЦЫНА¹

3 апреля 1826 г.

Никого из всех означенных здесь офицеров не знаю, и был ли кто из них принят в члены Тайного общества — мне неизвестно, равно и то, принимал ли кто какое-либо участие в намерениях одного и знал ли предварительно о произведенном неурействе.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 244, л. 30 об.).

Николай Дмитриевич Зубов (1801—1871) — поручик л.-гв. Преображенского полка. А. В. Поджио показал, что он приглашал Зубова вступить в члены Тайного общества. По показанию Свистунова, Зубов отклонил такое же предложение, сделанное ему Н. В. Шереметевым, заявив, что правительство уже знает о существовании Тайного общества.

Владислав Христианович Граве (ум. в 1850 г.) — поручик л.-гв. Преображенского полка. Знал о существовании Тайного общества от А. В. Поджио и Н. В. Шереметева, но от вступления в него отказался.

Андрей Васильевич Малиновский (ум. в 1851 г.) — прапорщик гвардейской конной артиллерии. Сторонник декабристов. Обещал П. П. Коновницину содействовать успеху восстания. 14 декабря отказался принять присягу Николаю I, за что был арестован. Из-под ареста бежал, ранив часового.

Артемий Григорьевич Вилламов (1804—1869) — подпоручик гвардейской конной артиллерии. Знал о планах действий Тайного общества. 14 декабря за отказ от присяги был арестован, но из-под ареста бежал. К следствию не привлекался.

Константин Осипович Куликовский (1807 — ум. после 1850 г.) — прапорщик конно-артиллерийской роты № 5. Присутствовал на совещании у Панова 13 декабря. Дал обещание содействовать восстанию.

Об А. И. Гагарине см. стр. 183 настоящего тома.

А. Е. Розен показал, что офицеры л.-гв. Финляндского полка: Иван Алексеевич Базия, Арсений Иванович Богданов, Александр Алексеевич Буриашев, Александр Федорович Гольтгоер, Андрей Иванович Мореншильд, Федор Борисович Мореншильд, Густав Густавович Насакин, Яков Густавович Насакин, Август Федорович Нумерс принимали участие в совещании у Н. П. Решина, состоявшемся 11 декабря 1825 г. в 5 часов вечера. На совещании обсуждалось сообщение Е. П. Оболенского о плане действий в случае приказа принести присягу Николаю Павловичу. Розен также показал, что 13 декабря он этим же офицерам сообщил план действий на 14 декабря, изложенный ему Рылевым и Оболенским.

Поименованные офицеры к допросам не привлекались и репрессиям не подвергались.

О каком Криницыне был задан вопрос, неизвестно. Очевидно, об Александре Николаевиче — прапорщике 18-го егерского полка, бывшем организаторе общества «Квилки» в Пажеском корпусе в 1819 г. и затем разжалованном в рядовые за так называемый «Арсеньевский бунт» в корпусе. Судя по доносу Грохольского, он был близок с Ф. Ф. Вадковским. Возможно, что вопрос относится к кому-либо из его братьев: Владимиру, Павлу или Николаю. Они все присутствовали на совещании у Кожевникова 13 декабря, а 14 декабря были на Сенатской площади.

Никто из Криницыных к следствию не привлекался.

¹ Очевидно, имелся в виду М. Ф. Голицын (см. о нем стр. 187 настоящего тома).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОРУЧИКА Д. А. ИСКРИЦКОГО

26 января 1826 г.

Гвардейского генерального штаба поручик Искрицкий к Тайному обществу принадлежал, об чем он сам меня уведомил дни за два до 14-го числа, когда он зашел ко мне и когда я завел с ним разговор о положении России. Кто же его принял, а равно принадлежит ли к числу членов Общества брат его ¹, мне неизвестно. О предприятии 14 декабря он тогда же был извещен мною. Какое принимал прежде участие в намерениях и действиях Общества, не знаю.

(д. 63, л. 4).

Демьян Александрович Искрицкий (1803—1831) — поручик Гвардейского генерального штаба. Был членом Общества Перетца, а позже — Северного общества. Участвовал в подготовке восстания. 14 декабря присутствовал на Сенатской площади, но, по его показанию, не в каре восставших, а среди народа. После шестимесячного ареста в крепости был выслан в Оренбургский гарнизон.

¹ Михаил Александрович Искрицкий — воспитанник Царскосельского лицея, близкий знакомый Рылеева, А. А. Бестужева и Сомова. Членом Тайного общества не был. В следственном деле упоминается в связи с письмом его к брату от 17 января 1826 г., в котором писал, что Сомов, будучи освобожден из-под ареста, «много теряет» в его глазах, ибо пока Сомов сидел в крепости, он (М. Искрицкий) «почитал его честным человеком» (д. 63, л. 35).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА А. В. КАПНИСТА

14 февраля 1826 г.

Подполковника Капниста вовсе не знаю, и принадлежал <ли> он к числу членов Тайного общества, а равно кем был принят в оное — мне неизвестно. Если он действительно принадлежал к Тайному обществу, то или принят в оное здесь задолго до меня, или вступил в Общество во время бытности своей адъютантом при генерале Раевском на юге.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 115, л. 24).

Алексей Васильевич Капнист (1796—1867) — подполковник Воронежского пехотного полка, член Союза Благоденствия. Знал о существовании Южного общества. Был арестован, но вскоре освобожден «со вменением ареста в наказание».

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ УЧАСТИИ НА СОВЕЩАНИИ
В ЕГО КВАРТИРЕ 13 ДЕКАБРЯ 1825 г. П. П. КОНОВНИЦЫНА,
Д. А. ИСКРИЦКОГО И С. М. ПАЛИЦЫНА

7 марта 1826 г.

Коновницын, Искрицкий и Палицын были у меня уже после совещания и как тогда, так и прежде в совещаниях не присутствовали. На совещания приглашались, по приказанию Трубецкого, только главнейшие члены и ротные командиры или те, коим делались особые назначения, как, например, Булатов и Якубович. Коновницын же, вероятно, приехал ко мне или отыскивая Оболенского, или по его поручению, Палицын же, узнав,

Отвещаю надпоручку комиссии мнѣ въ присутствии показавше, писавши мною собственноручно, равно утвердивши, что мнѣ даны были оныя статьи мною добровольно и даны мною собственноручно. 1826 года 8 июня.
Подпоручикъ Кондратій Рылеевъ.
Правда моя Соавтвннцъ
Искрицк. Салтыкова
Палицын

ПОДПИСКА РЫЛЕЕВА, ДАННАЯ ИМ В ПРИСУТСТВИИ ЧЛЕНОВ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА Ю. А. ГОЛОВКИНА, С. Н. САЛТЫКОВА И Н. И. БАРАНОВА, 8 ИЮНЯ 1826 г.

Рылеев подтверждает, что все его показания Следственной комиссии писаны им собственноручно и даны добровольно. Такие подписки были отобраны у всех подсудимых.

Центральный исторический архив, Москва

что на другой день будет присяга, которую еще за несколько дней с общего согласия назначили сигналом действия Общества.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 63, л. 27—27 об.).

Петр Петрович Коновницын 1-й, гр. (1802—1830) — подпоручик Гвардейского генерального штаба. Член Северного общества. Принимал участие в подготовке и проведении восстания. Разжалован в солдаты и сослан в Семипалатинский гарнизонный полк.

О Д. А. Искрицком см. стр. 188 настоящего тома.

Степан Михайлович Палицын (1806—1880) — прапорщик Гвардейского генерального штаба. Член Северного общества. Участвовал в подготовке восстания 14 декабря. После годичного заключения в крепости отправлен на службу в Петровский гарнизон.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О СЛОВАХ А. О. КОРНИЛОВИЧА,
СКАЗАННЫХ ИМ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН УЗНАЛ РЕШЕНИЕ
СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВА ВЫСТУПИТЬ 14 ДЕКАБРЯ

28 марта 1826 г.

К словам «делайте, что хотите» Корнилович более ничего не прибавлял, и вообще, когда он был у меня, об императорской фамилии ничего не было говорено ¹.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 421, л. 32).

Александр Осипович Корнилович (ок. 1795—1834) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба. Член Южного общества. Прибыл из отпуска в Петербург перед восстанием, имея поручение информировать Северное общество о состоянии дел в Южном обществе. Участвовал в совещании у Рыльева накануне восстания. 14 декабря был на Сенатской площади. Приговорен к каторжным работам на восемь лет, но для дополнительных допросов был возвращен из Нерчинска в 1827 г. и содержался в Петропавловской крепости до конца 1832 г. В 1832 г. отправлен рядовым на Кавказ, где и умер.

¹ Корнилович показал, что, узнав от Рыльева о намерении Северного общества выступить 14 декабря, он заявил: «Делайте, что хотите, но только, чтобы не было покушений на императорскую фамилию». Рылеев якобы ответил: «Этого не будет» (д. 421, л. 17).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ПОРУЧИКА М. М. КОРСАКОВА

3 февраля 1826 г.

Кем был принят в члены Тайного общества лейб-гвардии гренадерского полка поручик Корсаков — мне неизвестно, и был ли он членом одного — ни от кого не слышал. Равно, был ли он предварен о цели Общества и намерениях 14 декабря и какое принимал в том участие.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 110, л. 7).

Михаил Матвеевич Корсаков (ум. в 1872 г.) — поручик л.-гв. гренадерского полка. По показаниям А. Н. Сутгофа, Корсаков был принят в Тайное общество Каховским 12 декабря 1825 г. Каховский, однако, этого не подтвердил, заявив, что Корсакову было лишь сообщено о существовании Тайного общества и его планах. Корсаков обещал содействовать восстанию, но 14 декабря был болен и на Сенатской площади не присутствовал. После окончания следствия был переведен на службу на Кавказ, в Куринский пехотный полк.

ОТВЕТЫ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОСЫ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
С. Г. КРАСНОКУТСКОГО К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И О СООБЩЕНИИ,
СДЕЛАННОМ ИМ 13 ДЕКАБРЯ 1825 г. НА СОВЕЩАНИИ У РЫЛЕЕВА

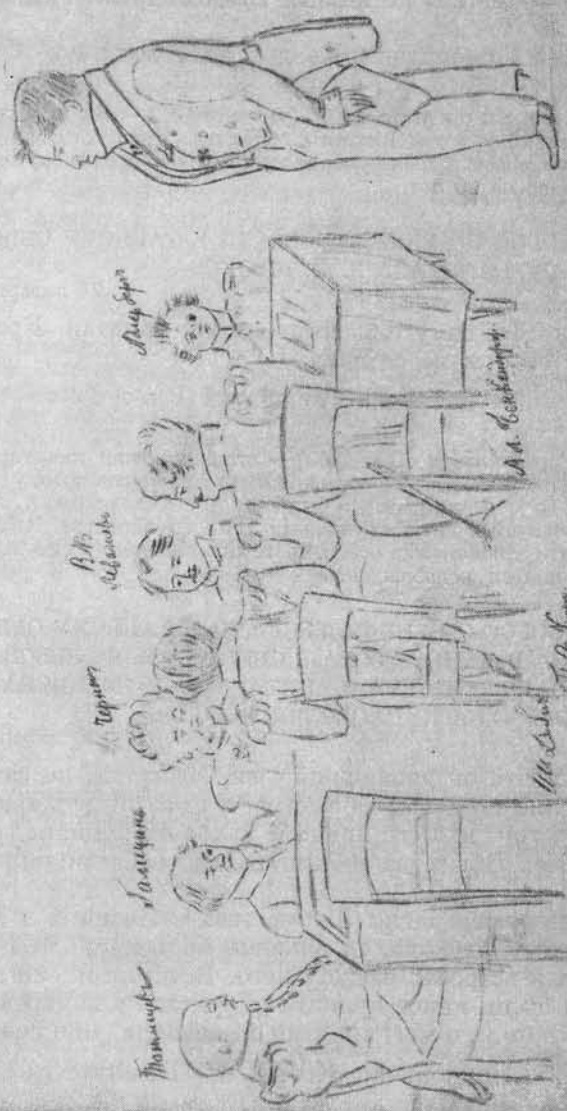
26 декабря 1825 г.

Краснокутский действительно был у меня вечером 13-го числа. Его привел ко мне Корнилович и сказал, что он принадлежит Южному обществу. Обер-прокурор Краснокутский искал тогда князя Трубецкого, чтобы уведомить его, что присяга точно назначена на другой день, то есть <на> 14-е число, и что в 7 часов утра Сенат будет собран; но, не застав Трубецкого дома, по совету Корниловича, пришел с этим известием ко мне. Он был тогда у меня в первый раз. До того же видел я его раза два у Трубецкого, и как при нем говорили мы открыто, то я и заключил, что он член Общества. 14 числа я точно сказал Николаю Бестужеву, что в Сенате есть наш обер-прокурор, разумея Краснокутского.

Отставной подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 411, л. 42 — 42 об.).

Слева: Д. Писарев, М. П. Павлов, К. С. Станиславский, М. П. Павлов, К. С. Станиславский

Мне хотелось бы
вместе, это было приятно

ЗАСЕДАНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
 Рисунок А. А. Иванковского, 1826 г.
 Изображены слева направо за столом: А. И. Татищев, А. Н. Голицын, А. И. Чернышев, П. В. Кутузов, В. В. Левашев, А. Х. Бенкендорф, В. Ф. Адлерберг. Стоит неизвестный декорист. Позади нарисованной рукой (возможно, А. А. Иванковского): «Слова А. Бестужева Мих. Пав. «Кто смел, тот грабит, а кто не смел, тот крадет»». Под свободным стулом у стола помета: «Мих. П.» и ниже: «очень хорошо»
 Институт русской литературы АН СССР Ленинград

5 марта 1826 г.

Вечеру 13 декабря Корнилович, приехав ко мне вместе с обер-прокурором Краснокутским и предупредив, что он, то есть Краснокутский, со-член его по Южному обществу, сказал мне: «Решено; завтра присяга; берите свои меры. Мы были с этим известием у Трубенцкого, но не застали его дома и приехали к тебе». Я спросил: «Точно ли?». Краснокутский сказал: «Точно. Я знаю это наверно. *Делайте что хотите*. Теперь собранье Совета, а завтра в 7 часов утра Сената». Предварительно ни Краснокутский, ни Корнилович о совещаниях извещасмы не были. О первом, что он член, я узнал, как выше показано, в тот самый вечер от Корниловича, а о сем — дни за два до 14 декабря, по приезде его из отпуска. Кто был еще тогда у меня, кроме их, не помню. Александр Бестужев вошел пред их отъездом.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(Там же, л. 43 — 43 об.).

Семен Григорьевич Краснокутский (ум. в 1840 г.) — обер-прокурор Сената, член Союза Благоденствия, а затем Южного общества. Присутствовал на совещаниях членов Северного общества накануне восстания. По приговору суда был сослан в Сибирь на поселение на 20 лет.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ШТАБС-КАПИТАНА Н. П. КРЮКОВА

24 января 1826 г.

Принадлежал ли к Тайному обществу штабс-капитан Крюков — не знаю и ни от кого об том не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 186, л. 6).

Николай Павлович Крюков (1800—1860) — штабс-капитан квартирмейстерской части. Членом Тайного общества не состоял. Был арестован потому, что жил вместе с М. П. Глебовым и С. М. Палицыным и был знаком с Каховским, А. А. Бестужевым, Оболенским, Якубовичем и другими членами Тайного общества. На допросах только Палицын заявлял, что Крюков знал о мероприятиях, намеченных на 14 декабря. 30 января 1826 г. Крюков был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ШТАБС-КАПИТАНА Н. И. КУТУЗОВА, ПОРУЧИКА И. Ф. ЛЬВОВА,
ПОРУЧИКА Н. В. ШЕРЕМЕТЕВА, КАПИТАНА М. А. НАЗИМОВА
И ПОРУЧИКА К. П. ОБОЛЕНСКОГО 2-го

30 января 1826 г.

О Кутузове слышал, что он давнишний член Общества, но сам с ним не имел прямых сношений по делам Общества, и имел ли кто таковые — не знаю, равно как и о том, кто его принял, какое он принимал участие в действиях и намерениях Общества и было ли ему сообщено о предприятии 14 декабря.

Поручика Львова не знаю, равно Шереметева¹. Назимов и Оболенский 2-й, если они члены Общества, то должны быть приняты Евгением Оболенским, ибо обоих я встречал часто у него. Были ли ж они действительно членами и если были, какое принимали участие в намерениях Общества и предварены ль были о предприятии 14 декабря, мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 196, л. 12—12 об.).

Николай Иванович Кутузов (ум. в 1849 г.) — штабс-капитан, старший адъютант Штаба гвардейского корпуса, член Союза Благоденствия. В позднейших тайных организациях не участвовал. Вскоре после ареста освобожден с «очистительным аттестатом».

Илья Федорович Львов (ум. в 1841 г.) — поручик л.-гв. Измайловского полка. Е. П. Оболенский показал, что он, а также А. Л. Кожевников и Я. И. Ростовцев

сообщили Львову о существовании и намерениях Тайного общества и что последний обещал содействовать восстанию. Кожевников и Ростовцев этого не подтвердили. В феврале 1826 г. Львов был освобожден без взыскания.

Николай Васильевич Ш е р е м е т е в (1804—1849) — поручик л.-гв. Преображенского полка. Член Северного общества. А. А. Бестужев показал, что о принадлежности Шереметева к Тайному обществу узнал от Рыльева. После завершения следствия Шереметев был переведен из гвардии в армейский полк.

О Н а з и м о в е — см. стр. 194 настоящего тома.

Константин Петрович О б о л е н с к и й 2-й, кн. (1798—1861) — поручик л.-гв. Павловского полка, адъютант генерала Потемкина. Был членом Союза Благодетствия, а затем Московской управы, руководимой И. И. Пущиным. Присутствовал на совещаниях членов Тайного общества у своего брата Е. П. Оболенского и у А. А. Тучкова в Москве. 14 декабря в Петербурге не был. По окончании следствия был переведен из гвардии в Финляндский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА И. П. ЛИПРАНДИ

13 февраля 1826 г.

Подполковника Липранди вовсе не знаю, а равно неизвестно мне, с которого времени принадлежал он к числу членов Тайного общества, кем был принят и какое оказывал участие в намерениях и действиях Общества.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 191, л. 10).

Иван Петрович Л и п р а н д и (1790—1880) — подполковник квартирмейстерской части. Был арестован в связи с показанием Комарова о том, что Липранди является членом Тайного общества. Другие этого не подтвердили, только полковник И. Г. Бурцов указал на связи Липранди с В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым и М. Ф. Орловым. После допроса освобожден с «очистительным аттестатом».

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ КОРНЕТА И. Д. ЛУЖИНА

17 февраля 1826 г.

Лужина вовсе не знаю, равно, принадлежал ли он к числу членов Тайного общества, кем был принят и знал ли о намерении на 14 декабря — мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 113, л. 2).

Иван Дмитриевич Л у ж и н (1804—1868) — корнет л.-гв. конного полка. По показанию А. И. Одоевского, был принят в Тайное общество А. А. Плещеевым. Плещеев подтвердил, что он предложил Лужину вступить в Тайное общество и тот согласился. В деятельности Общества участия не принимал. Репрессиям не подвергался.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ К. Д. ЛУКИНА

1 марта 1826 г.

Г-на Лукина вовсе не знаю и никогда не слышал, чтобы он принадлежал к числу членов Тайного общества.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 260, л. 7).

Константин Дмитриевич Л у к и н (ум. в 1831 г.) — подпоручик л.-гв. конной артиллерии. Обещал И. П. Коновницину содействовать восстанию. Отказался дать присягу Николаю I. Был на Сенатской площади. К следствию не привлекался.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ПОДПОЛКОВНИКА А. М. МИКЛАШЕВСКОГО

26 февраля 1826 г.

Подполковника Миклашевского вовсе не знаю, и не только о том, что он оставался ли членом Общества по возобновлении оногo в 1821 году, но даже и то, был ли он когда прежде членом Общества, мне неизвестно, и я ни от кого о том не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 76, л. 15).

Александр Михайлович Миклашевский (1796—1831) — подполковник 22-го егерского полка. По его показанию, он в феврале 1821 г. был принят Е. П. Оболенским в Тайное общество, организованное в Измайловском полку, а в апреле того же года — Н. И. Тургеневым в другое Тайное общество, имевшее целью «способствовать освобождению крестьян». После окончания следствия по его делу Миклашевский месяц сидел в крепости, а затем отправлен на службу в Кавказский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
ШТАБС-КАПИТАНА М. А. НАЗИМОВА

2 марта 1826 г.

Если Назимова принял полковник Нарышкин, то об нем может объяснить князь Оболенский, у которого я обоих их встречал. Знаю только, что Назимова пред 14 декабря в Петербурге не было, ибо я слышал от Оболенского, что он прислал из отпуска просьбу об отставке.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 386, л. 19).

Михаил Александрович Назимов (1801—1888) — штабс-капитан л.-гв. конно-пионерного эскадрона, член Северного общества с 1823 г. Принял в Общество подпоручиков Кожевникова и Лапу. Во время восстания в Петербурге не был. По приговору суда был сослан в Сибирь на поселение, откуда переведен рядовым в Кавказскую армию.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ТОМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ Н. Н. ОРЖИЦКИЙ
ПРЕДЛАГАЛ ПОВЕСИТЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

15 мая 1826 г.

Оржицкий об императорской фамилии у меня никогда ничего не говорил и не мог говорить, как не принадлежащий к Обществу. О женитьбе же своей и что он сердит на московских бар, он очень часто шуточно говаривал у меня при многих, и может статься, что он сказал показанное Завалишным и при нем, но я истинно не помню, так ли он сказал, или иначе. Но то утвердительно могу сказать, что Оржицкий ничего подобного ни при Завалишине, ни без него никогда не говорил об императорской фамилии.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 382, л. 18).

Николай Николаевич Оржицкий (1796—1861) — отставной штабс-ротмистр. Близкий приятель Рылеева, Бестужева, Одоевского, Оболенского и других декабристов. Знал о существовании, цели и планах Северного общества. В восстании 14 декабря участия не принимал. Переведен на службу в Кавказский отдельный корпус.

Дивов и Беляев показали, что Завалишин однажды хвалил выдумку Оржицкого: построить высокую виселицу и повесить на ней царя и великих князей «одного к ногам другого». Завалишин показал, что он будто бы говорил только о предложении Оржицкого повесить С. С. Апраксию, а к его ногам всех тех, кто мешал Оржицкому в его делах.

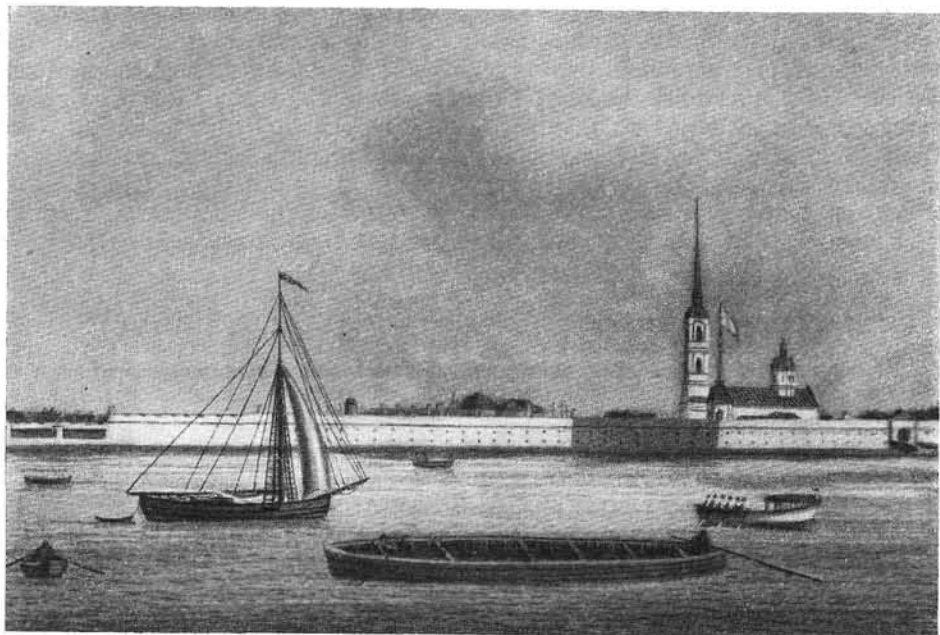
ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
Г. А. ПЕРЕТЦА

11 февраля 1826 г.

Кем и когда принят в члены Тайного общества титулярный советник Перетц мне неизвестно; равномерно — какое принимал участие в намерениях и действиях Общества. Я его вовсе не знаю и потому не знаю также, был ли он известен о предприятии нашем на 14 декабря и способствовал ли произведению оного.

Подпоручик Кондратий Рылев

(д. 66, л. 5).

НЕВА И ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
Гуашь неизвестного художника, первая половина XIX в.
Эрмитаж, Ленинград

Григорий Абрамович Перетц — титулярный советник, сын петербургского банкира, член Союза Благоденствия. В 1820 г. создал Тайное общество, приняв в него Д. А. Искрицкого, Н. Д. Сенявина, А. Ф. Дребуша, Е. П. Немировича-Данченко, П. М. Устимовича и М. Д. Лапу. Знал о существовании и планах Северного общества. Осуждал нерешительность действий восставших 14 декабря. После завершения следствия был заключен на два месяца в крепость, а затем сослан в Пермь под надзор полиции.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
Н. В. ПУТЯТЫ

25 февраля 1826 г.

Путяту знаю лично, но что он принадлежал к числу членов Тайного общества, того не подозревал и ни от кого не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылев .

(д. 133, л. 6).

Николай Васильевич П у т я т а (1802—1877) — адъютант генерала А. А. Закревского. Майборода, Пестель, Волконский показали, что Путята был принят в Северное общество, но сведения эти основывали на чужих словах. Е. П. Оболенский же показал прямо: «Путята есть действительно член Тайного общества и принимал в оном участие общее со всеми членами Общества <...> Имел сношения по делам Общества со мной» (там же, л. 13).

Путята к допросам не привлекался, но за ним был установлен секретный надзор.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ М. И. ПУЩИНА
К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И УЧАСТИИ ЕГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

3 апреля 1826 г.

Конно-пионерного эскадрона капитан Пушин, сколько мне известно, в члены Общества принят не был, но за несколько дней до 14 декабря он был у меня вместе с братом своим, и, как сей последний мне сказывал, ему только было открыто, что некоторые полки в случае переприсяги не будут присягать, на что и он изъявил свое согласие. Совещания о истреблении некоторых членов императорской фамилии никогда не было в точном смысле, ибо предложение Якубовича, поддержанное Арбузовым, тогда же мною и почти всеми единодушно было отвергнуто, и решено было, как мною и прежде показано, задержать императорскую фамилию до съезда Великого собора. Капитану Пушину и сего я не объявлял и вообще ни с ним, ни с другими, кой находились не в моей отрасли (кроме двух или трех человек), я никаких разговоров не имел по делам Общества.

(д. 373, л. 17—17 об.).

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

Михаил Иванович П у щ и н (1800—1869) — брат И. И. Пушина, капитан л.-гв. конно-пионерного эскадрона. Знал о существовании Тайного общества и его планах. Сблизился с Рылеевым за несколько дней до восстания и посещал собрания в его квартире. После завершения следствия был освобожден и определен на службу в Кавказский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕМ А. Е. РОЗЕНА

8 марта 1826 г.

Принадлежал ли к числу членов Тайного общества поручик барон Розен, мне неизвестно. За несколько дней до 14 декабря был он у меня, и потом видел я его у князя Оболенского, но при нем говорено было только о средствах, как заставить солдат не присягать вновь; о цели же Общества, то есть, чтобы сим случаем воспользоваться для перемены образа правления, не упоминали, и потому я полагаю, что он в Общество принят не был.

(д. 387, л. 15).

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

Андрей Евгеньевич Р о з е н, барон (1800—1884) — поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества. Активно участвовал в подготовке выступления 14 декабря. Был в каре на Сенатской площади, но вернулся в свой полк, чтобы привести его туда же. Когда генералы Комаровский и Головин повели его батальон для подавления восстания, Розен на Исаакиевском мосту удержал стрелков, угрожая заколоть пшайгой первого, кто пойдет. В течение шести лет был на каторжных работах в Сибири, после чего определен рядовым в Кавказский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИЧАСТНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
В. П. РОМАНОВА

3 февраля 1826 г.

Лейтенант Романов знает от меня о существовании Общества и обещал, когда будет нужно, принять участие в достижении цели, предположенной Обществом, и по первому известию приехать, куда будет ему назначено от меня.

(д. 78, л. 9).

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

6

Вопросы протв. отставному под
поручику Рылеву, 31. декабря 1825.

Принадлежат ли вышнему отставу,
воткнутому Сомову? куда, куда
были отпущены? управленческие на
поле в совладельстве Сомовых? и
какие приемы в усадьбе в усадьбе
местности 14-го декабря? по какому
ошибке по истреблению? забавные
объявления: составленные в 1825 году
Торговцев?

Из Сомов, на Торговцев, чтобы они не
стали бы и да принадлежат им и им
дети. Торговцев и их в усадьбе от
них и их и их, а Сомовы и их
и их и их и их и их и их и их
предоставить, как нам, и помыслим
и их и их и их и их и их и их и их

Отставной Подпоручик Рылеву.

Владимир Павлович Романов (1796—1864) — лейтенант Балтийского флота. Вместе с М. П. Лазаревым в 1820—1822 гг. совершил кругосветное путешествие. Дело о Романове возникло в связи с его письмом к Рылееву, которое публикуется в настоящем томе (стр. 162). На следствии Н. А. Бестужев показал, что «Романов был принят Рылеевым вывешней осенью», но участия в деятельности Общества не принимал. Романов признался лишь в том, что знал о существовании Тайного общества, но членом его не был. По завершении следствия Романов был оставлен в крепости еще на три месяца, а затем отправлен на службу в Черноморский флот.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
А. В. СЕМЕНОВА

21 марта 1826 г.

Надворный советник Алексей Семенов к Тайному обществу принадлежал, но о намерении Общества произвести 14 декабря известное неустройство не знал, и, сколько мне известно, никто ему о том не сообщал, а равно и на совещаниях ни у меня, ни у Оболенского он ни разу не был.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 206, л. 5).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ ИСТОЧНИКАХ СВЕДЕНИЙ,
НА ОСНОВЕ КОТОРЫХ ОН НАЗВАЛ А. В. СЕМЕНОВА
ЧЛЕНОМ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА

12 апреля 1826 г.

О принадлежности Семенова к числу членов Тайного общества слышал я от князя Оболенского. Сам же я с Семеновым ни об Обществе, ни о цели и намерениях одного никогда разговоров не имел. С какого времени почитался Семенов в числе членов, мне неизвестно; слышал только от Оболенского же, что он давнишний член.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(Там же, л. 14).

Алексей Васильевич Семенов (1799—1864) — надворный советник, член Союза Благоденствия. По показанию Оболенского, слышал от него о предстоящем выступлении 14 декабря. И. И. Пущин показал, что Семенов участвовал в совещании членов Тайного общества у А. А. Тучкова в Москве, но так как сам Семенов это отрицал, Пущин от своего показания отказался. Следственным комитетом Семенов был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
Н. Д. СЕНЯВИНА

14 марта 1826 г.

Капитана Сенявина вовсе не знаю и что он принадлежал к числу членов Тайного общества я не знал и ни от кого о том не слышал, а потому и неизвестно мне, какое принимал он участие в намерениях и действиях Общества и с кем находился в особенных сношениях.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 198, л. 3).

Николай Дмитриевич Сенявин (1798—1833) — капитан л.-гв. Финляндского полка. По показанию Перетца, Сенявин был принят им в Тайное общество в 1820 г. Корнет А. Н. Ронов также подтвердил, что в ноябре 1820 г. Сенявин предлагал ему вступить в Тайное общество, созданное Перетцем. Сенявин все отрицал. Так как общество Перетца существовало самостоятельно, то Н. М. Муравьев, Трубецкой, Рылеев и другие показали, что Сенявин никакого отношения к Тайному обществу не имел. После трехмесячного ареста Сенявин был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
О. М. СОМОВА И О. В. ГОРСКОГО

31 декабря 1825 г.

Ни Сомов, ни Горский, сколько мне известно, никогда не принадлежали нашему Обществу. Горского никто, я думаю, из членов наших и не знал, а Сомова мы полагали вовсе неспособным на подобное предприятие, как наше, и потому никогда ему не предлагали и не говорили.

Отставной подпоручик Р ы л е е в

(д. 464, л. 7).

Орест Михайлович Сомов (1791—1833) — писатель, служавший Российско-Американской компании. Жил вместе с Рылевым и А. А. Бестужевым в доме Команды, где происходили совещания членов Тайного общества. Рылеев, А. А. Бестужев, Трубецкой и другие показали, что он членом Общества не был и о существовании его не знал. После трехнедельного ареста Сомов был освобожден.

Осип (Юлиан) Викентьевич Горский (1766—1849) — отставной статский советник. Членом Тайного общества не был, но 14 декабря был с оружием в руках на Сенатской площади. По показаниям некоторых декабристов, агитировал солдат и «кричал с народом „ура“». Был сослан в Сибирь, где и умер.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОСЫ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОРУЧИКА
В. Д. СУХОРУКОВА К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И ОБ УСТАВЕ СОЮЗА
ВОССТАНОВЛЕНИЯ, КОТОРЫЙ БУДТО БЫ СУХОРУКОВ ВИДЕЛ
У ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА А. И. ЧЕРНЫШЕВА

23 марта 1826 г.

Кем был принят в члены Общества поручик Сухоруков, истинно не знаю. Помню только, что я и Александр Бестужев намеревались принять его, и однажды, испытывая мнения его о духе войска Донского, я ему сказал, что в России существует Тайное общество, имеющее целью ввести в России конституционное правление. Сухоруков сказал мне, что он подозревал это давно, но полагает это невозможным делом по настоящей умонаклонности. После того не помню, сам ли я сказал Сухорукову о сделанном мною открытии касательно Союза Восстановления, или то сделано было А. Бестужевым. Также не помню я от Сухорукова ли или от Александра Бестужева слышал прежде, что устав упомянутого *Союза* видел он, Сухоруков, у г. генерал-адъютанта Чернышева¹. Впоследствии же Сухоруков о том и мне подтвердил лично. При сем никого свидетелем не было. Всего с Сухоруковым я говорил раза два. В разговоры сии вступал он неохотно и о войске Донском сказывал, что оно весьма любит правительство и государя-императора и привержено к вим.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 137, л. 1—1 об.).

Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841) — поручик л.-гв. казачьего полка. Служил при генерал-адъютанте А. И. Чернышеве. Был близко знаком с Рылевым, Бестужевым и Корниловым, знал о существовании Тайного общества, но членом его не был. После 14 декабря Чернышев требовал ареста Сухорукова и захвата его бумаг, но за отсутствием показаний о принадлежности к Тайному обществу Сухоруков к следствию не привлекался. Был оставлен на Дону с учреждением за ним тайного надзора.

¹ Генерал Чернышев заявил в Следственной комиссии, что у него имелся экземпляр устава Союза Благоденствия, который, очевидно, и видел Сухоруков, устава же Союза Восстановления он не имел.

ОТВЕТЫ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНЫМ
ОБЩЕСТВАМ П. П. ТРУБЕЦКОГО, А. А. СКАЛОНА, А. А. ОЛЕНИНА И ДР.

Января <без числа 1826 г.>

1. Князь Петр Трубецкой (брат Сергея Трубецкого): Не знаком и не знаю, принадлежал ли он когда Обществу.

2. *Скалон*: Знаю Скалона, служащего в Гвардейском генеральном штабе, но член ли он Общества, мне неизвестно.

3. *Оленин старший*: Оленина видел раза три и слышал от Оболенского, что он был членом Общества.

4. *Римский-Корсаков*: Вовсе не знаю.

5. *Князь Голицын лейб-гвардии Преображенского полка*: Вероятно, Валериан, которого я встречал у Оболенского и который теперь в отставке.

6. *Полторацкий, лейб-гвардии Измайловского полка*

7. *Один офицер, перешедший из егерского полка майором в Орловский полк*

8. *Корф (лейб-гвардии егерского полка)*

9. *Воейков*: Знаю из Воейковых одного сочинителя, но чтоб он принадлежал Обществу — не думаю.

10. *Полковник Бакуник*

11. *Сурмин или Сурнин, отставной офицер 37-го егерского полка*

12. *Чумпалов, отставной обер-офицер из 37-го егерского полка*

13. *Алимский, капитан 37-го егерского полка*

14. *Великошапкин, капитан 38-го егерского полка*

15. *Юмин, майор 38-го егерского полка*

16. *Лукашевич, предводитель дворянства (в Малороссии)*

17. *Каверин, майор*

18. *Давыдов Дмитрий (в Москве)*

19. *Раич, сочинитель*

20. *Чаадаев, бывший адъютант генерала Васильчикова*:

21. *Катенин, бывший капитан лейб-гвардии Преображенского полка*: Раз пять встречался с ним, но, чтоб он принадлежал Обществу, не слышал.

22. *Отставной квартирмейстерской части подполковник Юрьев*: Вовсе не знаю.

Очень вероятно, что некоторые из означенных здесь лиц выбыли из Общества, ибо после Семеновской истории в Москве был съезд главнейших членов Общества, на котором положено было объявить некоторым из членов, что Общество уничтожилось. Об этом слышал я от Трубецкого. Кто же был на упомянутом съезде, он мне не сказал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 243, лл. 2—3).

Петр Петрович Трубецкой, кн. (1793—1840) — член Союза Благоденствия.

Александр Антонович Скалон (1796—1851) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, член Союза Благоденствия.

Алексей Алексеевич Оленин (1798—1854) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, член Союза Благоденствия.

Григорий Александрович Римский-Корсаков (ум. в 1852 г.) — бывший полковник л.-гв. Московского полка, член Союза Благоденствия.

Валерьян Михайлович Голицын, кн. (1803—1859) — до 1824 г. поручик л.-гв. Преображенского полка, затем служил в департаменте внешней торговли, член Северного общества.

Александр Павлович Полторацкий — штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, член Союза Благоденствия.

Федор Иванович Корф — служил в л.-гв. егерском полку, член Союза Благоденствия.

Рылеев имел в виду литератора Александра Федоровича Воейкова (1779—1839). Спрашивать же его могли: 1) о лейтенанте гвардейского экипажа Воейкове, 2) о полковнике л.-гв. Измайловского полка А. П. Воейкове, 3) о члене Союза Благоденствия Н. К. Воейкове, отставном полковнике л.-гв. конного полка.

Василий Михайлович Бакунин (1795—1863) — полковник, бывший адъютант Московского генерал-губернатора, член Союза Благоденствия.

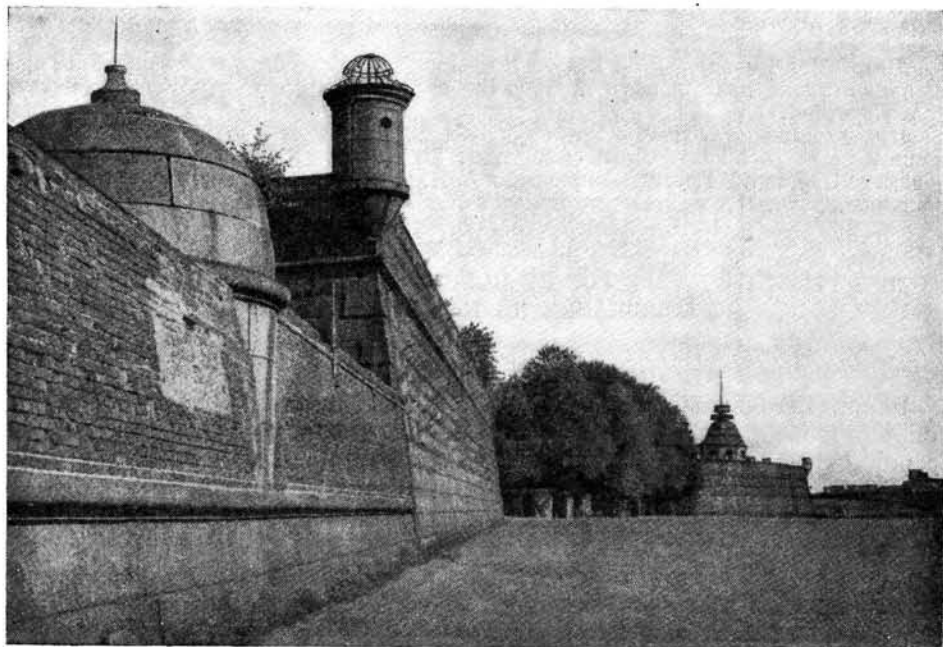
Сурнин — отставной капитан 37-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

Чумалов — отставной офицер 37-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

Алимский — капитан 37-го егерского полка, член Союза Благоденствия. Убит во время войны с Турцией в 1828 г.

Афанасий Григорьевич Великошапкин — капитан 38-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

Иван Матвеевич Юмин — майор 12-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

БАСТИОН ПЕТРА I ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Фотография, 1948 г.

Литературный музей, Москва

Василий Лукич Лукашевич (1783—1866) — предводитель дворянства Переяславского уезда Киевской губ., член Союза Благоденствия. Был связан с членами Южного и Польского тайных обществ.

Петр Павлович Каверин (1794—1855) — майор Павлоградского гусарского полка, член Союза Благоденствия.

Дмитрий Александрович Давыдов (1786—1851) — офицер л.-гв. гусарского полка, член Союза Благоденствия.

Семен Егорович Райч (1792—1855) — литератор, член Союза Благоденствия.

Петр Яковлевич Чадаев (1794—1856) — бывший адъютант генерала Васильчикова, член Союза Благоденствия.

Павел Александрович Катенин (1792—1853) — полковник Преображенского полка, член Союза Спасения, поэт и литературный критик.

Иван Юрьев — отставной подполковник квартирмейстерской части, член Союза Благоденствия.

Дело о данной группе лиц было заведено в связи с показаниями И. Г. Бурцова, назвавшего их членами Тайного общества. Никто из поименованных лиц к следствию не привлекался, за исключением В. Л. Лукашевича и В. М. Голицына. Последний назван по имени Рылеевым и другими членами Северного и Южного обществ, хотя Бурцов, очевидно, имел в виду Павла Александровича Голицына, бывшего члена Союза Благоденствия, который, однако, служил не в Преображенском, а в Семеновском полку. П. А. Голицын знал о существовании Северного и Южного обществ, и, хотя к следствию не привлекался, за ним был установлен полицейский надзор.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
П. М. УСТИМОВИЧА

⟨Без даты⟩

Устимовича вовсе не знаю и никогда и ни от кого ничего о нем не слышал и потому и не могу сказать, какое он принимал участие в делах Общества, если к нему принадлежал, и кем в оное был принят. Равно неизвестны мне ни имя его, ни звание, ни местопребывание.

Подпоручик Рылеев

(д. 244, л. 106).

Петр Максимович Устимович — надворный советник, секретарь канцелярии главноуправляющего в Грузии. В 1820 г. принят в Тайное общество Г. А. Перетцем.

При отъезде на службу в Грузию в 1821 г. получил от Перетца шифр для переписки и наказ расширять состав Общества. Предлагал Кюхельбекеру вступить в Общество Перетца. В Грузии в окружении А. П. Ермолова играл видную, хотя и неофициальную, роль. К следствию не привлекался.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ПО ПОВОДУ ПОКАЗАНИЙ В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ
О СОВЕЩАНИИ НА КВАРТИРЕ РЫЛЕЕВА

28 марта 1826 г.

Барон Штейнгель не имел никакой надобности убеждать меня, что неприлично дело свободы отечества и водворения порядка вчинать беспорядками и кровопролитием. Ссылаюсь на всех членов, бывших на совещаниях, что я всегда был против кровопролития и беспорядка. Насчет императорской фамилии, говорил ли что барон Штейнгель — не помню. Но ему было известно, что цель Общества есть введение монархической конституции, а план действий — вытребование оной посредством Сената и созвание Великого собора, который должен был определить подробности конституции. Насчет же того мнения, что до кровопролития не дойдет и не допустят, то повторяю, что не я один думал так, но почти все случавшиеся на совещаниях, ибо полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а напротив еще, соединившись с возмущившимися и что тогда посредством силы можно будет сохранить устройство и порядок. Можно утвердительно сказать, что это почти всеобщее мнение и решило нас начать действия. Уверять же барона Штейнгеля, что никак не дойдет до кровопролития, я не мог, ибо это противоречило бы плану Общества: в случае неудачи — ретироваться на поселения. Барон Штейнгель знал, что положено было воспользоваться переприсягою, и как это, так и план Общества — посредством Сената созвать Великий собор и до съезда оного задержать императорскую фамилию — одобрял или, по крайней мере, соглашался на то.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 360, л. 30—30 об).

Владимир Иванович Штейнгель, барон (1783—1862) — отставной подполковник. В члены Северного общества был принят в 1824 г. Рылевым и И. И. Пушковым. Участвовал в подготовке восстания 14 декабря. По предложению Рылеева, писал проект манифеста Сената о создании Временного правительства. На Сенатской площади 14 декабря не присутствовал. Был осужден на 15 лет каторжных работ с последующей ссылкой на поселения в Сибирь.

Вопрос Рылеву был задан в связи с показанием Штейнгеля о том, что на совещании у Рылеева он (Штейнгель) убеждал избегать беспорядков и кровопролития и что Рылеев с этим согласился.

ОТВЕТ РЫЛБЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ
А. А. ШТОРХА

7 февраля 1826 г.

Подпоручика Шторха вовсе не знаю и ни от кого не слышал, чтобы он был член Общества. На совещаниях никогда он не был и какое принимал участие в намерениях и действиях Общества 14 декабря, мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылбев

(д. 77, л. 7).

Александр Андреевич Шторх (1804—1870) — подпоручик л.-гв. гренадерского полка. Членом Тайного общества не был. Близкий знакомый А. Н. Сутгофа, Н. А. Панова и других членов Северного общества. 14 декабря находился в каре на Сенатской площади, куда, по его показанию, попал по ошибке. После картечных выстрелов спрятался с 40 солдатами в сенатском подвале, где и был арестован. После завершения следствия по его делу Шторх был переведен из гвардии в армейский полк.

ОТВЕТ РЫЛБЕВА НА ВОПРОС О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВА
В НОВГОРОДСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

25 декабря 1825 г.

Ни членов, ни сообщников в Новгородском поселении мы не имели, а наверно полагали, что поселенные войска пристанут к нам, рассуждая, что они не могут быть довольны своим состоянием. Подполковник Батеньков, занимающий столь важный пост при графе Аракчееве, сказывал, что поселения, особенно Старорусское, сильно негодуют и готовы возмутиться при первом случае, но он говорил только о нижних чинах в сем смысле, а об офицерах сказывал вообще, что они никуда не годны.

Отставной подпоручик Кондратий Рылбев

(д. 359, л. 40).

ОТВЕТЫ РЫЛБЕВА НА ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

31 декабря 1825 г.

1. *О списке письма Южного общества к Польскому обществу, переданном Корниловичем Трубецкому.*

Корнилович отдал список упомянутого письма князю Трубецкому при мне, кажется, 13-го числа; содержание же письма сего мне неизвестно; я не успел оно прочесть; оно должно быть у Трубецкого.

2. *О сношениях Южного тайного общества с Варшавским.*

Чрез кого Южное общество имело сношение с Варшавским — не знаю, и вообще о существовании Польского общества я узнал только за несколько дней до 14-го числа, прежде — от Трубецкого, потом — от Корниловича. Сей последний сказывал, что Южное общество в начале 1824 года заключило какое-то условие с Варшавским. В сем условии, между прочим, говорено было и о границах будущих между Россиею и Польшею. Это он сказывал мне на пути к Трубецкому и потому о подробностях мне некогда было расспросить его.

3. *О намерении Южного общества совершить покушение на Александра I в Таганроге.*

Об обстоятельствах 3-го пункта мне вовсе ничего не известно.

Отставной подпоручик Рылбев

(д. 421, лл. 26—27).

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА О СОВЕЩАНИИ ЧЛЕНОВ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА
В ЕГО КВАРТИРЕ 13 ДЕКАБРЯ 1825 г. И О РАЗГОВОРАХ В ОБЩЕСТВЕ
О А. П. ЕРМОЛОВЕ, М. М. СПЕРАНСКОМ И Н. С. МОРДВИНОВЕ

⟨1⟩

4 января 1826 г.

Декабря 13, как и во все дни с самого дня болезни моей, под видом посещения больного, квартира моя сделалась сборным местом членов Общества, и потому я не могу хорошо припомнить, кто именно был у меня во время совещания. Помню только, что были Трубецкой, Якубович, Бестужев (Александр), Булатов, Оболенский, Щепин-Ростовский, Сутгов, Арбузов, и Пущин. В совещаниях участвовали все, план же предложен был Трубецким. Причем, когда некоторые находили невозможным действовать с успехом, Трубецкой сказал, что если ему здесь делать нечего, то он поедет в 4-й корпус войск и там начнет. Говорил также очень много Якубович. Поручения сделаны были за несколько дней ротным командам от Трубецкого — в случае переприсяги не присягать и стараться роты свои, а если можно и полки, привести на Сенатскую площадь, где должны будут принять начальство Трубецкой, а под ним Булатов и Якубович.

⟨2⟩

Об Ермолове я говорил Каховскому, что он ⟨Ермолов⟩, встретившись с Граббе, бывшим его адъютантом, сказал ему: «Оставь вздор, государь знает о вашем Обществе». Об этом слышал я, кажется, от Никиты Муравьева. Об Сперанском же я никогда ничего не говорил подобного, что показал Каховский, но, признаюсь, я думал, что Сперанский не откажется занять место во Временном правительстве. Это основывал я на его любви к отечеству и на словах Батенькова, который мне однажды сказал: «Во Временное правительство надо назначить людей известных». И когда я ему на это сказал, что мы думаем назначить Мордвина и Сперанского, то он сказал: «Хорошо». Итак, если я что-либо говорил о Сперанском Каховскому, то не что другое, как здесь показанное. Это можно узнать, спросив его, когда я говорил. Батеньков принят, кажется, за месяц ⟨до 14 декабря⟩ Бестужевым и знал их до меня. Потом я познакомил его с Трубецким, после чего они очень часто виделись.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(Там же, лл. 46 об. — 47).'

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ЕГО СНОШЕНИЯХ С ФЛОТОМ
ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАМЕРЕНИЯ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА
ВЫВЕЗТИ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА ЗА ГРАНИЦУ

6 января 1826 г.

Сношений с морскими чиновниками, кроме Николая Бестужева, Арбузова и Завалишина, я не имел ни с кем, но вовсе не говорил с ними о намерении увезти царствующую фамилию в чужие края и сам только раз о том слышал в разговоре с Пестелем¹.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 6, лл. 13 об. — 14).

¹ Ответ Рылеева не соответствует действительности. На самом деле Рылеев очень много уделял внимания флоту, в частности — Кронштадту, который он называл крепостью революции, «русским Леоном». Рылеев часто бывал в обществе морских офицеров, в том числе и в Кронштадте, где его однажды моряки качали на руках. Он настоятельно добивался создания во флоте особого филиала Тайного общества и отводил морякам важное место в предстоящих революционных событиях. Об этом говорят показания Н. А. и А. А. Бестужевых, Арбузова, Завалишина, Пестеля, Трубецкого, Батенькова и публикуемые здесь выдержки из показаний Бриггена, Назимова, А. В. Поджо, Торсона. Убедительность показаний последнего и свидетельства других заставляют думать, что разговор его с Рылеевым о вывозе за границу царской семьи действительно имел место.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА
НА КAVKАЗЕ

6 января 1826 г.

О существовании Тайного общества в корпусе генерала Ермолова я никогда ни от кого ни малейшего не имел сведения. Якубович из членов здешнего Общества, кажется, даже до 12-го числа декабря знал только меня, Александра Бестужева и Одоевского, но ни им, ни мне никогда не сообщал о Кавказском обществе, и, сколько мне известно, из членов здешнего Общества никто никогда о Кавказском обществе ничего не слышал, ибо в противном случае Дума получила бы об том сведения ¹.

(д. 6, л. 13 об.).

¹ Этим показанием Рылеев стремился снять вопрос о Кавказском тайном обществе и Ермолове.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ
В СИМБИРСКЕ, ПЕНЗЕ, НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ

10 января 1826 г.

Кто члены дум и управ Тайного общества в Симбирске, в Пензе, в Нижнем и в других местах — мне совершенно неизвестно, и о существовании Тайного общества в упомянутых городах никогда ни от кого не слышал.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 7, л. 5).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС: «В КАКОМ ПОЛКУ ИЛИ КОМАНДЕ
ПРОДОЛЖАЛИ ВЫ СЛУЖБУ, В КОТОРОМ ГОДУ И МЕСЯЦЕ ВЫШЛИ
В ОТСТАВКУ И КАК ВАШЕ ИМЯ И ОТЧЕСТВО?»

⟨Без даты⟩

Служил я в конно-артиллерийской роте, что была прежде № 1, а потом № 11. Вышел в отставку в декабре месяце 1819 года ¹. Зовут меня Кондратий Федоров сын.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 277, л. 22).

¹ Рылеев вышел в отставку в декабре 1818 г. См. его письмо к свояченице, Настасье Михайловне Тевяшовой, от 14 января 1819 г.: «В 306 номере Инвалида увидел я, что приказом государя, отданным от 26 декабря, в С.-Петербурге, конно-артиллерийской № 12 роты прапорщик Рылеев увольняется от службы подпоручиком. по домашним обстоятельствам» (Р ы л е е в. Соч., стр. 452).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ ИМЕНИЯХ, ЕМУ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ

⟨Без даты⟩

Имение мое, состоящее ⟨в⟩ С.-Петербургской губернии, Царскосельского уезда в деревне Батове в 42 душах, заложено покойною родительницею моею, подполковницею Анастасиею Рылеевой в Опекунском совете в 1824 году. Срок платежам 3 июля.

Подпоручик Р ы л е е в

(д. 304, лл. 56а, 57).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС, ИМЕЕТ ЛИ ОН С КЕМ-ЛИБО ТЯЖЕБНЫЕ ДЕЛА

⟨Без даты⟩

Тяжебное дело имею в Киевском главном суде с князем Александром Сергеевичем Голицыным, на окончание которого выдана мною с дозволения высочайше учрежденного комитета доверенность жене моей ¹. Имение мое не описывается ни по какому иску. Если же и случится какой иск, то жена моя по означенной доверенности сделает удовлетворение из имения моего.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 303, л. 45а).

¹ А. С. Голицын начал судебное дело не против Рыльева, а против его отца, который в последние годы своей жизни управлял имениями Голицына.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЕКАБРИСТОВ О РЫЛЕЕВЕ

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Г. С. БАТЕНЬКОВА

4 января 1826 г.

...Хотя и виделся с Рылеевым 13 декабря, но ни в каком заседании и совещании не был. Вообще все свидания мои с Рылеевым были случайные. Ни разу я не посылал за ним, ни разу он не посылал за мною. Сие не могло быть, если б мне надлежало участвовать в совещаниях. Трубецкому, в короткое время нашего знакомства, обыкновенно я платил визит за визит. Вообще с Рылеевым и Бестужевыми я был знаком как с литераторами и отнюдь не был так близок, как со многими другими лицами ¹.

(д. 359, л. 33 об.).

1 февраля 1826 г.

...Самый первый намек по сему предмету сделан мне был Рылеевым в течение лета 1825 г., когда мы после обеда ходили по зале. Не помню точных слов, но он утверждал, что Россия и по древним воспоминаниям и по настоящей степени просвещения готова принять свободный образ правления. Я решительно тогда утверждал противное и говорил, что первый честолюбец легко может разрушить все, что бы ни было сделано подобного. Сим прекратился разговор и долго не возобновлялся <...>

...Люди сии начали посещать меня чаще около половины ноября месяца, когда я был болен. Один раз Рылеев, заведя разговор о преобразованиях государственных, отдавал великое преимущество республикам, почитая самую Англию в рабстве, и, говоря, что она последняя освободится, старался убеждать, что сего же <республики> надобно желать и в России. Сие удостоверило меня в неосновательности его образа мыслей, но, к несчастью, я не занялся решительным опровержением, а ограничился легкими возражениями <...>

За несколько дней до происшествия, когда Рылеев был болен, я спустился к нему. Он, встретившись за ширмами, сказал: «Вот целый полк либералов». Входя в кабинет, я нашел тут несколько человек, не знаю каких. Вскоре пришел Пущин, коего Рылеев уже ожидал. Я видел его тут в первый раз и сказал ему, что знаю его по словам покойного князя Шаховского, его родственника, с коим я жил несколько лет, и хвалю в особенности за то, что он, отказавшись от блистательной службы, посвятил себя уездной. Между тем, помнится, Рылеев рассказывал о неудовольствиях какого-то полка, но большую часть времени занял рассказ Пущина о московском деле Алябьева ². Между тем приехал князь Трубецкой. Вообще говорили слишком вольно и дерзко, но каждый свое, громко и без всякой осторожности, хотя беспрестанно входил человек, подавая чай. И подумать нельзя было, что это заседание Тайного общества.

(Там же, л. 86 об.).

22 марта 1826 г.

...После обеда у Прокофьева <Ивана Васильевича> я упрекал Рылеева, что они, не принося пользы, раздражают только правительство ³. Он начал убеждать, что сие нужно, что ежели мы долее будем спать, то не будем никогда свободными. Завел мечты о России до Петра и сказал, наконец, что стоит повесить вечевой колокол, ибо народ в массе его не изменился, готов принять древние свои обычаи и сбросить чужеземное. Я говорил ему, что горсть солдат все разрушить может и что восстановленный Новгород признает князем первого честолюбца, который к нему явится. Рылеев тотчас же меня оставил <...>

Какая награда полагается отъ насъ Вамъ
по освобожденію отъ (всѣхъ) насъ (каждого) отъ
общаго разряда, и о какихъ приваѣдствъ особахъ списать

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верхов-
номъ Уголовномъ Судѣ.

Правой стороны въ первой половинѣ:

- Князь Лопухинъ. Высшего чина по 1819. 22. 12. 1819.
- Князь Куракинъ. Высшего чина по 1819.
- Мордвиновъ.
- + Графъ Морковъ. Высшего чина по 1819.
- + Князь Лобановъ-Ростовскій. Высшего чина по 1819.
- + Ланской г. Высшего чина по 1819.
- + Карцовъ. Высшего чина по 1819.
- Балашовъ. Высшего чина по 1819.
- Графъ Нессельроде. Высшего чина по 1819.
- (Графъ Воронцовъ) Высшего чина по 1819.
- Графъ Ливень. Высшего чина по 1819.
- Сперанскій. Высшего чина по 1819.
- Князь Гагаринъ. Высшего чина по 1819.
- Михаловскій. Высшего чина по 1819.
- Князь Шаховскій. Высшего чина по 1819.
- Грушецкій. Высшего чина по 1819.
- Дивовъ. Высшего чина по 1819.
- Безродный. Высшего чина по 1819.
- Князь Куракинъ. Высшего чина по 1819.
- Мавринъ. Высшего чина по 1819.
- Вистницкій. Высшего чина по 1819.

ПОИМЕННЫЕ ОТВѢТЫ ЧЛЕНОВЪ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
НА ВОПРОСЪ ОБЪ УСТАНОВЛЕНІИ МѢРЫ НАКАЗАНІЯ ДЕКАБРИСТАМЪ,
ПОСТАВЛЕННЫМЪ «ВНЕ РАЗРЯДА», 1826 г.

Написаны собственноручно каждымъ членомъ суда противъ его фамилии

Листъ 1

Центральный исторический архив, Москва

какое наказание повеления тѣмъ
коихъ Вѣсть по собственному ихъ выбору
невыданы въ общій разрядъ, и о коихъ
присоединены особые списки. —

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верхов-
номъ Уголовномъ Судѣ.

Левой стороны въ первой половинѣ:

	Митрополитъ Серафимъ.	} Солискы со Т.
Сурядушевъ.
	Митрополитъ Евгений.	
	Архиепископъ Авраамъ.	
1	Графъ Головкинъ. по 1 ^{му} пункту Сенатской 1775 года	
2	Графъ Ланжеронъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года
(Войновъ.) заболѣвши не присутствовалъ	
3	Графъ Ламбертъ. по 1 ^{му} пункту Сенатской 1775 года	
4	Бородяинъ. по 1 ^{му} пункту Сенатской 1775 года	
5	Еманюель. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
6	Башуцкий. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
7	Бистромъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
8	Фейшъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
9	Алауровъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
10	Гладковъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года
(Графъ Орловъ) умеръ	
11	Мертенсъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
12	Карниловъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
13	Дубенскій. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
14	В. Хвостовъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
15	Мансуровъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	
16	Казаевъ. по 1 ^{му} пункту сенатской 1775 года	

ПОИМЕННЫЕ ОТВѢТЫ ЧЛЕНОВЪ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС
ОБ УСТАНОВЛЕНІИ МЕРЫ НАКАЗАНІЯ ДЕКАБРИСТАМЪ, ПОСТАВЛЕННЫМЪ «ВНЕ
РАЗРЯДА». 1826 г.

Написаны собственноручно каждымъ членомъ суда противъ его фамилии

Ваше превосходительство дозволяет ли мне
 просить Вас, по особому моему
 желанию, по окончании в суду рас-
 суждения по моему делу, выдать
 мне копию протокола моего
 дознания? —

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верхов-
 номъ Уголовномъ Судѣ.

Правой стороны во второй полдень:

- Графъ Толстой. По Высочайшему Указу 19го августа 1826 г.
- Сухинъ. поступилъ воеводою 7го июля 1776 г. по 19^{му} артикулу
- А. В. Васильчиковъ. назначенъ на воеводскую должность 17го г.
- Шишковъ. поступилъ въ воеводство 19го августа 1776 г.
- Князь Салтыковъ. назначенъ воеводою по Высочайшему Указу 19го августа 1826 г.
- Болошниковъ. поступилъ по воеводскому Указу 19го августа 1776 г.
- Царевичъ Маріанъ. поступилъ по 19^{му} артикулу воеводою
- Обресковъ. назначенъ по 19^{му} артикулу воеводою 1776 г.
- Графъ Хвостовъ. По Высочайшему Указу 19го августа 1826 г.
- Нелидовъ. поступилъ по воеводскому указу 19го августа 1776 г.
- Графъ Кутайсовъ. назначенъ по Высочайшему Указу 19го августа 1826 г.
- Балюшковъ. назначенъ по воеводскому указу 19го августа 1826 г.
- Мечниковъ. поступилъ по воеводскому указу 1776 г. по 19^{му} артикулу.
- Шулеповъ. поступилъ по 19^{му} артикулу воеводою 1776 г.
- Лавровъ. воеводою 19го августа 1776 г.

ПОИМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС
 ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ
 РАЗРЯДА», 1826 г.

Написаны собственноручно каждым членом суда против его фамилии

Лист 3

Центральный исторический архив, Москва

Которые поименно и поименно подписаны. Которые выписаны по указанию или сообщению не входящих в состав разряда и от имени их или от имени их отцов.

Список Особамъ, Присутствующимъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ.

Левой стороны во второй половине:

- Баронъ Спрогановъ. *Собственноручно*
- Опперманъ. *Собственноручно*, *по указанию от имени 1-го разряда Подполковника 1-го разряда Инженерия, от имени 1-го разряда Инженерия*
- Сенявинъ. *Собственноручно*
- Паскевичъ. *Собственноручно*
- Графъ Комаровскій. *Собственноручно*
- (Закревскій.) *не присутствовалъ*
- Кушниковъ. *Собственноручно*
- А. В. Васильчиковъ. *Собственноручно*
- Энгель. *Собственноручно*
- А. Хитрово. *Собственноручно*
- Барановъ. *Собственноручно*
- П. Ланской. *Собственноручно*
- Сумороковъ. *Въ видѣ Собственноручно и въ видѣ подписи по указанию 1-го разряда Инженерия*
- Болгарскій. *не присутствовалъ*
- Полетико. *по 1-му разряду Инженерия 1-го разряда Инженерия*

ПОИМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ
РАЗРЯДА», 1826 г.

Написаны собственноручно каждым членом суда против его фамилии

Лист 4

Центральный исторический архив, Москва

После <беседы с А. А. Бестужевым> приехал Рылеев. Мне ясно уже было, что он в связи с Бестужевым. Разговор завел прямо о том, что в монархии не может быть ни великих характеров, ни истинных добродетелей <...>, что в Европе даже и Англия пребывает в тяжком рабстве от аристократии, что она освободится после всех, а прочие должны ждать всего от России, где опыт 1812 года служит лучшим доказательством, что революция, не как в Неаполе, Пьемонте и даже в Гипшании, не может быть прекращена чужеземною силою. Я со своей стороны доказывал ему, что

по древним российским уставам и законам
 наказания казнь. Но собразуя ее у нас в
 начале Елизаветы 1753го августа 29 — 1754го
 декабря 30, начался наказанием казнь
 Елизаветы Великая, и в начале Екатерины
 1799, года, августа, казнь, и в начале
 и возвращена в Россию, и ссорилась с
 казнь, ссорилась в каторжеской работе.

Н. Мордвинов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ Н. С. МОРДВИНОВА ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ
 ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ РАЗРЯДА»

Н. С. Мордвинов, единственный среди судей, высказался против смертного приговора
 Центральный исторический архив, Москва

по обширности государства, по опыту тысячи лет и по нравам нашим республиканское правление нам несвойственно, что по крайней мере для перехода нужна сперва монархия <...> Он сказал мне, что произведение переворота составляет цель жизни некоторых людей, образованных в Обществе. Я отказался от всякого с сим Обществом сношения ⁴.

(Там же, лл. 113—116).

ИЗ ПИСЬМА Г. С. БАТЕНЬКОВА В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

22 марта 1826 г.

...Два дня спустя <в начале декабря> был я у Прокофьева. Рылеев прислал просить меня к себе убедительно. Я зашел, и он встретил меня известием, что целый полк может быть на стороне либералов и что он посылает просить к себе Трубецкого. Здесь Рылеев говорил, что один подоб-

ный случай, а именно — неповиновение Семеновского полка, был уже пропущен и что не должно повторять ошибок.

(Там же, л. 123).

О Г. С. Батенькове — см. стр. 182—183.

¹ Показание Батенькова написано в период стрижания им своей принадлежности к Тайному обществу.

² Громкое в то время уголовное дело об убийстве помещика Времева, длившееся около трех лет. В начале декабря 1825 г. по этому делу было объявлено решение Государственного совета, которым полковник А. Н. Алябьев (композитор) приговаривался к лишению чинов и дворянства и ссылке в Сибирь, хотя доказательств того, что он убил Времева, не было.

³ У И. В. Прокофьева перед этим обедом шел разговор о преследовании правительством стихотворений Языкова «о новгородцах». Очевидно, имелось в виду стихотворение Н. М. Языкова «Военная новгородская песня 1170 года», которое, надо полагать, отличалось от опубликованного в 1833 г.

⁴ А. А. Бестужев показал, что Батеньков на сообщение им о существовании Тайного общества ответил: «Я был бы недостоин имени русского, если не был бы там» (д. 359, л. 64). Позже Батеньков подтвердил это показание, выразив свой ответ Бестужеву в несколько иной редакции: «Я не был бы русским, если бы отстал от них».

ИЗ ДОПРОСА А. П. БЕЛЯЕВА

31 марта 1826 г.

Вопросы:

...2. Вскоре после смерти государя-императора к Дивову приходил лейтенант Акулов и между разговорами сказал: «Вот ваши сочинители свободных стихов твердят: „Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан“, а как пришло роковое время, то они и замолкли <...>».

а) Справедливо ли все вышеприведенное?

б) Кто сочинил означенные стихи, и от кого они известны были вам и товарищам вашим?

3. Третьего года зимою мичман Бестужев 4-й принес к вам стихи сочинения Рылеева; стихи сии и рассказы Бестужева познакомили вас с образом мыслей Рылеева <...>

а) Какого рода были стихи, принесенные Бестужевым, и не упомните ли вы их?..

О т в е т ы:

2. а) Справедливо.

б) Кто сочинил стихи — верно сказать не могу, но, кажется, Рылеев. Получил я их от Бестужева 4-го.

3. <...> а) Одни стихи были в честь Мордвинова¹, кои я не упомяну. Другие же: «Я ль буду в роковое время...», кои я знаю наизусть и напишу на конце².

(д. 363, лл. 44—47 об.).

Александр Петрович Беляев 1-й (1803—1885) — мичман гвардейского экипажа. Принадлежность свою к Тайному обществу отрицал, но признал, что о существовании и целях Общества знал и разделял мнение членов Общества о необходимости истребления царствующей фамилии и введения республиканского строя. Принимал активное участие в восстании 14 декабря. Был сослан в каторжные работы на восемь лет, а затем после краткого пребывания на поселении зачислен рядовым в Кавказскую армию.

¹ Повидимому, имеется в виду ода Рылеева «Гражданское мужество».

² В конце показаний Беляев приводит по памяти 16 строк этого стихотворения. Они вымараны Татищевым по распоряжению Николая I (д. 363, л. 48—48 об.).

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. Ф. БРИГГЕНА

2 февраля 1826 г.

Дней за десять до моего отъезда из Петербурга бывшего проплого 1825 года 6 июля г-н Рылеев, с коим я хотя и не был в связи, но коего

уважал как поэта, приехал ко мне по собственной надобности. После многих посторонних разговоров открыл он мне в присутствии свиты его величества капитана Никиты Муравьева, что он в большом недоумении, как поступить с Якубовичем, который приехал в Петербург и имеет намерение посягнуть на жизнь покойного в бозе почивающего императора <...> Рылеев взял на себя уговорить Якубовича оставить свое злонамерение...

(д. 372, л. 17).

ИЗ ДОПРОСА А. Ф. БРИГГЕНА

6 марта 1826 г.

Вопрос:

В дополнение показания вашего от 25 февраля Комитет требует от вас чистосердечного вашего сознания противу сделанных на вас положительных и верных показаний князем Трубецким, Рылеевым, Пестелем и другими, что вы, вопреки вашего отзыва, действительно имели от Рылеева следующие поручения: узнать от Трубецкого, в самом ли деле Южное общество так сильно, как говорил Пестель, переговорить с ним, Трубецким, о сумме Северного общества, хранившейся у него в руках, также доставить ему врученный вам устав Общества Восстановления, взятый у Завалишина. Далее, вы положительно говорили Бестужеву-Рюмину, члену Южного общества, о успехах Северного в приобретении членов во флоте...

О т в е т:

Честь имею донести Комитету, что в последних числах июня, перед моим отъездом из Петербурга, Рылеев действительно просил меня при случае, если увижу князя Трубецкого, узнать о означенных в запросном пункте статьях. Приехав в Киев в конце сентября прошлого года, я сказал о сем князю Трубецкому, который мне ничего положительного не отвечал, а сказал только, что он в будущем месяце сам по семейственным делам едет в Петербург и там переговорит с Рылеевым <...>

... Бестужеву-Рюмину я сказал, что Рылеев мне говорил, что в поездках по должности своей в Кронштадт он познакомился со многими офицерами, что между ими много либералов и что он надеется ими со временем усилить Общество, что за каким-то обедом, где они лишнее выпили, они качали Рылеева на руках и говорили ему: «Мы вас все так любим, что все ваши». Вот все, что я знаю. Положительного ничего не говорил и не мог сказать, ибо не знаю, кто сии офицеры.

(Там же, лл. 24—26 об.).

Александр Федорович Бригген (1792—1859) — отставной полковник, член Союза Благоденствия и, по показаниям Оболенского, Трубецкого, Пестеля, Митькова и других, входил в состав Северного общества, присутствовал на совещаниях и участвовал в деятельности Общества. Во время восстания 14 декабря находился в отпуску. Был сослан на два года в каторжные работы, после чего жил на поселении в Пельме.

ИЗ ПИСЬМА А. М. БУЛАТОВА К НИКОЛАЮ I

25 декабря 1825 г.

... В одно время <осенью 1825 г.>, быв в театре, встретил я приятеля детских лет Рылеева, с которым воспитывался вместе в 1-м кадетском корпусе. Свидание после четырнадцати лет было очень приятное. Говоря обо многом, по окончании театра, как водится между старыми знакомыми,

просили навестить друг друга; но ни я у него, ни он у меня не были. При встрече нашей в другой раз, в театре же, он подходит ко мне и говорит потихоньку, с усмешкою, о каком-то заговоре, который существует восемь или десять лет, и в будущем году будет всему решение. Признаюсь чисто-сердечно, я не поверил ему и полагал, что подобные разговоры — не что иное, как болтанье молодых людей, вошло в моду в столице; после сего довольно долго мы не видались <...>

7-го числа <декабря> приезжают ко мне л.-грен<адерского> полка офицеры Сутгоф и Панов, они куда-то торопились <...> Сутгоф мне говорит, что он был у Рылеева и застал его очень больным, он просит вас сделать одолжение приехать его навестить завтра поутру. Я дал слово, и мы расстались <...>

8-е. На другой день я отправился навестить больного. Вхожу к Рылееву, нахожу его не совсем здоровым. Перед ним столик с книгами и лекарьствами, сам он в халате, шея обвязана платком, как обыкновенно у больных людей. Я спросил — что у него? Он отвечал: «Жаба, братец, но теперь легче...» У него нашел я князя Трубецкого, но так как мы с ним до сего времени были незнакомы, то мы поклонились весьма сухо друг другу. Князь посидел недолго и вышел. Мы остались двое. Рылеев открывает мне о заговоре, слышанном мною в театре. Зная, что он женат и имеет дочь, я думаю, что он шутит, но он говорит сурьезно, описывает состав оного, который, как кажется, открыть довольно трудно. Меня поразило это так, что я ничего ему не отвечал. Не знаю, заметил ли он это или нет, но, кажется, понял так, как должно. Он знал, что я ни к каким подобным поступкам и в молодости лет не был сроден, но он продолжал следующим образом: «Я по старой нашей дружбе никак от тебя не мог этого скрыть: тебя знают здесь за благороднейшего человека <...> Комплот наш, — продолжал он, — составлен из благородных и решительных людей». Я отвечал ему, что так и должно быть, ибо на такие решительные дела малодушным решаться не должно. Ему это понравилось. «Тебя давно сюда дожидали, и первое твое появление обратило на тебя внимание». Он тронул мое самолюбие, и я был доволен, что отважные и не известные мне люди отдают мне справедливость. Тут кто-то вошел, и разговор наш кончился. Я, проходя по комнате, просил его, чтобы он меня познакомил с своею женою и показал бы мне свою дочь. Все исполнено. К нему начали приходиться незнакомые мне люди, и я уехал домой. Весь день провел дома и вечером был у моих малюток, занимался ими, но был скучен. Таким образом проведя вечер с любезными сердцу моему, отправился домой. Придя к себе, узнал, что Рылеев просит меня приехать опять к нему завтрашний день (9-е число). В назначенное время отправляюсь я опять к Рылееву, застаю его все еще нездоровым. Садимся, и он открывает, в чем состоит заговор, основанный на пользе отечества. Из открытия его узнал я следующее и главное то, чтобы уничтожить монархическое правление и власть тиранскую, как говорит Рылеев, которую присвоили себе цари над равным себе народом. Я спросил у него: «Какая же в этом польза отечества?» Он продолжает: «Когда мы успеем в своем предприятии (на которое они полагали твердую надежду), на время избран диктатором князь Трубецкой, устроим временное правление, потом вызовем из каждой губернии каждого уезда депутатов по два дворянина, по два купца и по два мещанина — состав народного правления». Я ему сказал на это, что вижу из этого только другое правление, но так как теперь новый император (в то время царствовал цесаревич Константин), гвардия вся его любит, и описываю все, что помещено у меня выше, в отдаваемой справедливости народа, добавя к тому, что партия их упустила в 821 году самый удобный случай во время возмущения Семеновского полка; он отвечал мне на это, что они тогда не так были сильны, но теперь совсем готовы; я опять нагом-

нил ему, что новый государь любим народом и войсками. И мне открывает он, что уже план готов и для царствования Константина, с тою разницею, что так как он народом любим, так надо было дожидать год, а может быть и более, тогда главные товарищи заговора должны стараться входить в милость его и искать мест быть ближе к нему и окружить его вместо собственных своих друзей друзьями заговора и таким образом совершенно им завладеть. Я одобрил этот план, уверяя, что буду при нем через генерала Сипягина, которого я считаю другом и благодетелем, имея в виду то, что все, что это он мне говорит, вздор, и каким образом попасть ко двору тому, кто идет прямою фронтовою службою <...>

Насчет короны было говорено много злого, что корона русская ныне подносится, как чай, и никто не хочет. Эти вести будто бы напечатаны в иностранных газетах; насчет императорского титула говорено, что ныне в императоры обходят так же, как из прапорщиков в подпоручики; эти вести — изобретения языка моего. На случай вступления на престол ныне царствующего императора сделано было два плана: первый положено произвести в действие при приводе войск к присяге под предлогом, что не хотят иметь на престоле ныне царствующего государя Николая I, а требовать цесаревича Константина. Я в пользу государя не говорил ни слова и, основавшись на слухах, старался в душе своей возродить ненависть. Другой план — если по какому-нибудь случаю во время присяги не будет действия, то в таком случае отложить до коронации. Услыша от него обо всех планах, я спросил опять о пользе отечественной, он что-то сказал, употребил имя действительного тайного советника Сперанского. Когда спросил я его о войске, то он объяснил мне, что они очень сильны, и будто покойный государь знал это и рассказывал генералу от инфантерии Ермолову, а сей последний советовал побережься Фонвизину <...> В это время отворяется дверь, входит какой-то молодой человек; Рылеев говорит: «Это наш» <...>

К Рылееву в это время кто-то пришел, и разговор наш кончился; начали находить молодые люди, я видел их человек четырех и познакомился в первый раз с князем Одоевским <...> Посидя немного, уехал.

11-го <вечером> <...> выхожу и вижу Сутгофа; он приехал ко мне от Рылеева для того, чтобы попросить меня, не приглашу ли я кого из лейб-гренадерских офицеров в их партию <...>

12-го поутру поехал я к Рылееву, но, узнав от него, что вечером будут у него многие товарищи, получил две книги его сочинений в подарок и уехал опять домой. Обедал дома и вечером поехал опять к нему для общего собрания. Я приехал в 7 часов, застал у него дамскую компанию неизвестных мне дам, пил чай. Начали собираться и не более как ротные командиры; во фраке был Пущин и адъютант Бестужев в военном сюртуке. Я дожидал еще чего-нибудь посерьезнее. Полчаса назад, не знаю, мелькнул какой-то полковник, который после не являлся и которого я почти не заметил. Приходит Трубецкой; Рылеев меня знакомит с ним. Входит Якубович. Не знаю отчего, только я душевно порадовался. Я знал прежде его по одним слухам и потом по приобретенной им славе в Грузии, а здесь познакомился с ним. По числу начальников нельзя было думать, чтобы войск было более шести рот. Я не вытерпел и спросил Рылеева, как велика наша сила. Он отвечал мне, что многие начальники уже разъехались и что мы довольно сильны: «Пехота, кавалерия и артиллерия — всё есть» <...>

Выйдя с Якубовичем, мы за воротами встретили полковника Глинку, который прежде служил у графа Михаила Андреевича Милорадовича, сели с Якубовичем в карету и поехали ко мне. В карете я спрашиваю его, давно ли он в этой партии. «Нет, недавно» <...> Тут я ему рассказал следующее: Рылеева я знаю давно и, быв детьми, вместе в 1-м кадетском корпусе воспитывались: мы были в одной роте <...>

〈На следующий день〉 является ко мне Сутгоф. Я догадался, что он имеет во мне надобность, вышел в другую комнату и получил от него письмо следующего содержания: «Любезный друг! Сейчас приехал его императорское высочество великий князь Михаил Павлович, явись завтра, пожалуйста, в 7 часов в лейб-гвардии гренадерский полк. Любезный. Честь. Польза. Россия». Подписано: Конд. Рылеев. «Хорошо, — подумал я, — если все это справедливо».

(д. 159, лл. 5—47).

Александр Михайлович Булатов (1793—1826) — полковник, командир 12-го егерского полка. Был принят в члены Северного общества Рылеевым незадолго до восстания. Участвовал в его подготовке и осуществлении. Умер во время следствия в Петропавловской крепости.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Ф. Н. ГЛИНКИ

〈15—16〉 февраля 1826 г.

Добрая Рылеева жена — мне кума; он сам был мне несколько одолжен и обходился со мною весьма уважительно. В исходе прошлого года отдал я одну из моих книг для печатания в типографию Главного штаба, а *корректуру* сей книги поручил писателю Сомову, который жил в одном доме с Рылеевым и бывал очень часто у него. Идя от себя в типографию или в город, я проходил (так по местному положению) ровно мимо окон Рылеева. Тут иногда маленькая дочь стучала в окно, иногда жена кланялась, и я заходил на минуту, часто и без Рылеева, который бывал в должности. В это же время печаталась «Полярная звезда»: у меня просили стихов — я заносил их; да притом ходил обедать в тот же дом, к г-ну Прокофьеву. Вот, сколько могу припомнить, все побуждения, по коим иногда заходил я в дом Американской компании.

Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его *поэм*, также о трагедии «Богдан Хмельницкий», которую начал писать и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтоб дать историческую правдоподобность своему сочинению. Сии литературные намерения, требовавшие долгого досуга и времени, его болезнь и всегдашнее скромное со мной обхождение не давали мне возможности даже и подумать о чем-либо им замышляемом.

(д. 82, л. 17 об.).

О Ф. Н. Глинке — см. выше, стр. 187 настоящего тома.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. А. ДИВОВА

〈Без даты〉

Свободный образ мыслей получил по переходе в гвардейский экипаж, став жить с мичманами Беляевыми, от них, а частью и от сочинений рукописных; оные были: свободные стихотворения Пушкина, Рылеева и проч. неизвестных мне сочинителей...

(д. 365, л. 14 об.).†

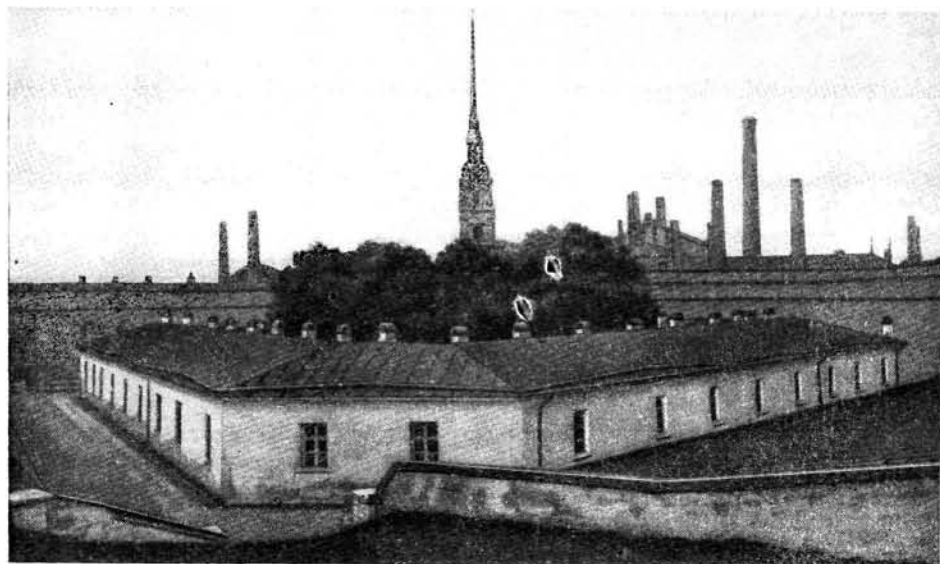
〈Без даты, с пометой: «Чтано» 24 марта 1826 г.»〉

...Вскоре после смерти государя приходит ко мне лейтенант Акулов и между разговорами сказал мне: «Вот ваши сочинители свободных стихов твердят: „Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан“, а как пришло роковое время, то они и замолкли». Я не могу припомнить, но кажется, что и он был у лейтенанта Арбузова, когда капитан-лейтенант¹ назначал его нам в предводители. После ухода Акулова я сделал

подобный же вопрос и мичману Беляеву. Он мне отвечал: «Погодите, еще, может быть, и не ушло время...»

...Третьего года зимою мичман Бестужев 4<-й>² принес к нам стихи сочинения Рылеева, и сии стихи и рассказы Бестужева о нем познакомили меня и Беляевых с образом мыслей Рылеева. В сие время спросил я у него, что одинаково ли думает и меньшей его брат, т. е. Бестужев 5<-й>³. «Разумеется, одинаково, — отвечал он мне, — вы можете судить и по тому, что он часто бывает у Рылеева, а там хоть кого обратят к свободному образу мыслей».

(Там же, л. 30—30 об.).

СЕКРЕТНЫЙ ДОМ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА. МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
НАИБОЛЕЕ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Фотография, 1873 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Василий Абрамович Дивов (ум. в 1842 г.) — мичман гвардейского морского экипажа, приятель Беляевых, Бестужевых, Арбузова и других членов Тайного общества. Разделял их взгляды и, как сам показывал, «желал чтобы сделалась революция и чтобы правление было республиканское, федеративное» (д. 365, л. 29). Формально членом Тайного общества не состоял, но активно участвовал в восстании 14 декабря. Был приговорен к 20 годам каторжных работ, но вместо этого до 1839 г. содержался в крепости, после чего отправлен рядовым на Кавказ, где и умер.

¹ Николай Александрович Бестужев.

² Петр Александрович Бестужев.

³ Павел Александрович Бестужев.

ИЗ ПИСЬМА Д. И. ЗАВАЛИШИНА В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

16 мая 1826 г.

...Еще много есть рассуждений между моими бумагами и замечаний по разным частям. Все сие было готовлено для представления покойному императору. Я начал уже приводить все в порядок и первое обозрение причин упадка и возвышения флота и рассуждение о существе необходимого воспитания я имел уже счастье представить ныне царствующему государю через е<го> превосходительство генерал-а<дъютанта> Левашова.

Рылеев! Рылеев, столь недостойным образом отвергший истину моих на него показаний, сколько раз, когда я говорил о намерении обнаружить недостатки флота и показать средства к исправлению оных, сколько раз этот <...> человек мне говорил сии слова: «Улучшать что-либо в настоящем правлении — есть преступление!!!» Вот были бы и мои чувства, если б я имел те намерения, кои ныне мне приписывают.

(д. 358, л. 232 об.).

Дмитрий Иринархович Завалишин (1804—1892) — лейтенант флотского экипажа, член Северного общества. Активно участвовал в деятельности Общества. На следствии пытался выгородить себя, взваливая всю ответственность на других. После 13 лет каторжных работ Завалишину было разрешено жить на вольном поселении в Сибири.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ И. И. ЗАВАЛИШИНА НИКОЛАЮ I

15 июня 1826 г.

... Наступил 1825 год, и лейтенант Завалишин еще все оставался жить на квартире Тютчева <...> В то самое время ввел он меня в дом Кондратия Рылеева — подпоручика артиллерии, жившего тогда на Мойке, в доме Американской компании, в нижнем этаже. В первый раз моего посещения Рылеева нашел я и Кюхельбекера, пришедшего незадолго до того времени, как говорил он. Разговор общий начался романтизмом, потом говорили о Бразилии, Соединенных Штатах, о счастливой жизни жителей Калифорнии и, наконец, на вопрос Рылеева, сказанный на ухо лейтенанту Завалишину, сей последний, озираясь кругом и видя, что меня тут не было (я был в то время в зале Рылеева близ двери), сказал: «Ручаюсь тебе, друг мой, что даже если поймают самку, то не найдут следа детей». А Кюхельбекер, стоявший в то время у окна, сказал: «Я боюсь, у вас в Казани такая дурь...»¹ «Дурь, да полезла...», — отвечал смеючись Завалишин, но, видя, что я вошел в комнату, продолжал: «Пожалуй же, Вильгельм Карлович (к Кюхельбекеру), привези мне инструмент мой». Тем и заключилось сие заседание <...>

Я пришел к нему <Д. И. Завалишину> в страстную субботу вечером. Тут нашел Кюхельбекера, Рылеева, Лутковского <...>, Демидова — адъютанта флота и двух офицеров гвардейского морского экипажа, коих фамилий я не запомнил. Вышедшая в то время «Полярная звезда» на 1824 год занимала их весь вечер. Рылеев читал отрывок свой из поэмы «Наливайко», а по окончании оной Завалишин, вскочив с места, обнял со слезами Рылеева и Кюхельбекера и вскричал:

Поверьте мне, взойдет она,
Заря пленительного счастья!..

— Так, она взойдет! — прибавил Рылеев.

— И подрумянит нас, — возразил Кюхельбекер. Все засмеялись.

— Липкими румянами, — сказал Завалишин. — Ну, впрочем, повторим слова Богдана Хмельницкого: «Что будет, то будет, что будет, то будет, а будет то, что богу угодно»².

(д. 47, лл. 2—3).

Ипполит Иринархович Завалишин — брат Д. И. Завалишина, юнкер артиллерийского училища. Писал доносы на брата и многих других. За «дурное поведение» и ложные доносы был разжалован и сослан в Оренбургский отдельный корпус. Здесь из молодых офицеров (Колесников, Таптыков и другие) создал тайное общество. В 1827 г. написал донос о существовании в Оренбурге широкого Тайного общества, но доказать мог лишь существование им же организованного кружка. Был сослан пожизненно на каторгу.

¹ Перед этим Д. И. Завалишин две недели прожил в Казанской губ.

² Д. И. Завалишин отверг показания брата и многословно распространялся о своих недружественных отношениях с Рылеевым, о взаимном недоверии, о желании Рылеева погубить его и т. д. Все эти заявления не заслуживают доверия.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Д. А. ИСКРИЦКОГО

6 марта 1826 г.

...Я показал <...>¹ в ответах своих, что 13 декабря я был у Рыльева, с которым давно уже был знаком, но не по Обществу. В этот день узнал я наверное, что Константин Павлович отказывается от престола. Гр<аф> Коновницын, приехавший ко мне вечером, пригласил меня ехать к Рылеву. Мы в 9 часов вечера были у него. Я, однако ж, до самого приезда не знал, что у него совещание. В той комнате, где оное происходило, и между теми лицами, кои составляли оное, я не был.

Вскоре после нашего приезда Рылеев вошел в комнату, где мы находились с некоторыми офицерами, вызвал ротных командиров к себе и, обращаясь к ним, сказал, что «нас много, правительство может сие приметить, но что мы завтра должны явиться на Сенатскую площадь, где мы все узнаем». Гр<аф> Коновницын спросил его, что мы должны делать. «Вы, господа, — отвечал он, — наблюдайте за движениями полков, расположенных по Фонтанке», — и с тем оставил нас.

(д. 63, л. 23 об.).

О Д. А. Искрицком — см. выше, стр. 188.

¹ На первом допросе в январе 1826 г. (без числа) Д. А. Искрицкий показал Левашову: «Я знаком с Рылевым, у коего был за несколько дней до происшествия. У него нашел я в тот день Оболенского, Бестужева, Булгарина, Ростовцева и многих других во фраках, коих я не знаю. В разговоре оных ничего не заметил, и они более занимались чтением» (д. 63, л. 9).

Позже, 5 февраля, к показанному добавил: «Он <Рылеев> просил меня оставить его, сказав, что завтра он мне все откроет. На другой день я его не видал» (там же, л. 15 об.).

ИЗ ДОПРОСА В. Н. ЛИХАРЕВА

14 апреля 1826 г.

В о п р о с :

Вы называли <в разговоре с Бошняком> пылкими заговорщиками в Петербурге Рыльева, Бестужевых и Муравьева и сказывали при том, что Балтийский флот присоединился к Обществу. Поясните, на каких сведениях основали вы рассказ сей.

О т в е т :

По случаю последней поэмы Рыльева «Войнаровский» я говорил, что люблю стихи его и что в творце полагаю пламенное сердце, но не ведал даже, что он принадлежал к Обществу; Бестужева знал как редактора «Полярной звезды»; Н. Муравьева называл как принадлежащего Обществу, но не «пылким заговорщиком», ибо я его совершенно не знаю. Также не ведаю, что хочет сказать г-н Бошняк о Балтийском флоте.

(д. 412, лл. 30 об. и 40 об.).

Владимир Николаевич Лихарев (1800—1840) — подпоручик квартирмейстерской части. Был принят в члены Южного общества В. Л. Давыдовым. По поручению Пестеля, написал записку «Взгляд на военные поселения». Был присужден к одному году каторжных работ, а затем — к поселению в Сибири. В 1837 г. определен рядовым в Отдельный кавказский корпус. Убит в сражении при р. Валерик.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. П. МАЛЮТИНА

7 января 1826 г.

...говорил мне Рылеев без свидетелей накануне сей истории, что на днях присяга, то не должно оной принимать, ибо мы уже присягали цесаревичу, почему ты скажи солдатам, чтоб не присягали; поутру же на 14 дек<абря>, получив приказание быть при роте до вывода оной к присяге,

я пошел в роту и первым, которых увидел, передал слова Рылеева, будучи уверен в истине слов того, которому я привык с малых лет слепо повиноваться, да и могли я предполагать, чтобы человек, обязанный семейством, для достижения своей цели захотел пожертвовать собою или племянником. Напред же сего сношений с ним, кроме родственных, не имел. Накануне видел я у него поутру Якубовича, журналиста Булгарина, Корниловича, полковника Булатова, лейб-гренадерского офицера, фамилии не знаю, а 10-го или 11-го я был у него вечером часа с два, в продолжение которых приезжали к нему к. Оболенский, к. Одоевский, Алексаандр Бестужев, Кюхельбекер, Пущин, который говорил, что он сейчас из Москвы приехал, Корнилович также перед этим приехал не знаю откуда, видел и еще человек трех не служащих, фамилии которых не знаю, разговоров же их не слышал, ибо в кабинет к нему не входил, а был в комнате жены его. (д. 52, л. 6).

Михаил Петрович Малютин — подпоручик л.-гв. Измайловского полка, дальний родственник Рылеева. По показанию Оржицкого — член Тайного общества. А. А. Бестужев и другие показали, что на Малютина рассчитывали как на своего сторонника. 14 декабря уговаривал солдат не приносить присяги. После завершения следствия был оставлен еще на месяц в крепости и затем переведен из гвардии в Севастопольский пехотный полк.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. М. МУРАВЬЕВА

26 апреля 1826 г.

...Полковник Павел Иванович Пестель, князь Сергей Волконский, князь Оболенский (...), корнет л.-гв. конного полка князь Одоевский, отставной поручик Рылеев, отставной подполковник Муравьев-Апостол, сколько мне известно, наиболее стремились своими советами, сочинениями и влиянием к достижению цели Общества (...)

Были у меня Рылеев, Оболенский. Это было весною 1825 года, пред парадом; мой брат тогда тоже пришел ко мне в комнату. Тогда-то Рылеев объявил нам о злом намерении Якубовича. Брат мой тогда сильно восстал против сего злобного покушения и хотя не знал лично г. Якубовича, но достиг посредничеством г. Рылеева, который был дружен с Якубовичем, отвлечь его от злобного намерения (...)

Сказав об образе мысли брата моего¹ всю истину, я себя не хочу оправдывать: ослепленный прелестью тайны, новыми для меня мыслями, дружеством ко мне членов, деятельными вспоможениями нуждающимся, которые многие из членов, в особенности господин Рылеев делал (хотя он и недостаточный человек), был я в восхищении от них и разделял их образ мысли (...)

10 или 11 декабря приехал я (как я уже и признался на вопрос, который благоволил мне сделать его императорское величество) поздно вечером к господину Рылееву, где нашел я поручика барона Розена, лейб-гв. Финляндского полка, и другого офицера того же полка, но мне не известного.

Рылеев тогда мне сказал, чтобы я сам или другой из моих товарищей предложил ехать к кн. Оболенскому в 4 часа после обеда на другой день, у кого будут собраны все офицеры других полков. Он мне тут же и сказал, что если новость об отказании от престола цесаревича утвердится, то можно надеяться, что Финляндский полк, Измайловский полк, лейб-гренадерский морской экипаж и Московский полк присяги не примут, и еще можно надеяться, что они будут выведены ротными командирами на Петровскую площадь и тут требовать конституцию. Стрелять же по ним не будут, ибо место не позволяет и сами солдаты не захотят стрелять по своим, и тогда остальные полки, вероятно, присоединятся к ним. После сего вечера на другой день, помнится мне, что это было в субботу

12-го числа, приехал я к Горожанскому вместе с Арцыбашевым в 10 часов утра, сказал Горожанскому, что я привез новости. Мы послали за Анненковым, и тогда я повторил, что знал от г. Рылеева. Арцыбашев и Анненков поехали к кн. Оболенскому, я хотя и хотел приехать к Оболенскому, но не мог, потому что у нас обедают в 4 часа, и не мог оставить матушку, которая, будучи нездорова, была одна...

(д. 370, лл. 20—26 об.).

Александр Михайлович Муравьев (1802—1853) — корнет кавалергардского полка, член Союза Благоденствия, а затем Северного общества. Участвовал в деятельности Общества и подготовке восстания 14 декабря. Принял в члены Общества З. Г. Чернышева. Сжег бумаги Ф. Ф. Вадковского. На Сенатской площади не присутствовал. Был осужден на восемь лет каторжных работ и на вечное поселение в Сибири.

¹ Никиты Михайловича Муравьева.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. А. НАЗИМОВА

〈Конец декабря 1825 г.〉

...Я был знаком с Рылевым, служа с ним вместе в конной артиллерии; быв потом в Петербурге, знакомство наше продолжилось. Ничего от него я не слышал насчет Общества, а разговоры наши были большею частью о словесности, коей он занимается ¹...

(д. 386, л. 9).

8 марта 1826 г.

...Вначале я знал членами Общества полковника Нарышкина, капитана Муравьева, Рылеева, князя Оболенского. Потом узнал чиновника Пущина, частию Александра Бестужева, когда он жил с Рылевым, также частию чиновника Ивана Семенова, подпоручиков Лапшу и Кожевникова. Однажды у князя Оболенского я видел несколько минут отставного офицера Муравьева и подполковника Поджио, о коих он 〈Оболенский〉 после сказал мне, что они тоже в Обществе 〈...〉 Из всех них Рылеев и князь Оболенский всех более известны мне распространявшими вредные понятия и толки 〈...〉

На совещаниях же нарочитых я никогда и ни у кого не бывал, но видался иногда с членами — князем Оболенским и Рылевым — частно, с коими притом редко и говорил об Обществе, ибо первый из них занят был канцеляриею, притом писал обозрение судопроизводства евреев, занимался системою Шеллинга и почти всегда о ней толковал. Второй же как журналист редко бывал дома, а когда видал его, то читал мне свои или чужие стихи или говорил о поэтах.

Скажу откровенно, что обыкновенно разговоры ограничивались суждениями о новых книгах или авторов, русских и иностранных, об общих заграничных политических новостях, иногда о делах правительства, которые, по безумному дерзновению, большей частию порицали, равно как и самих начальников злословили, и я, грешный, в том участвовал 〈...〉

Ко всему тому почитаю нужным и должным присовокупить, что я слышал от Рылеева, но когда именно — не знаю, будто Сербия и Босния ждут только сигнала, чтобы объявить себя свободными и присоединиться к России, что Общество предполагало возмутить Калифорнию и присоединить ее к Северо-Американским российским владениям и что туда отпралялся один из членов, не знаю кто именно, для исполнения сего. Он же называл Кронштадт островом Леоном, как бы местом удобным, чтобы держаться в случае неудачного действия. Скажу притом, что кн〈язь〉 Оболенский и Рылеев всегда говорили темно и намеками, когда же мне случалось

встретить их вместе, то они часто отходили в сторону и шепотом говорили между собою. Какие они имели тайны между собою — я не хотел проникать, полагая, что то были или их собственные, или дела Думы...

(Там же, лл. 34—35 об.).

О М. А. Назимове — см. выше, стр. 194.

¹ Показание записано генералом В. В. Левановым.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. И. ОДОЕВСКОГО

17 февраля 1826 г.

Рылеев и Бестужев (которые, право, только безумные, — извините это выражение, — а люди хорошие, хорошие) говорили мне: «Что ты не рабо-

ОБЕР-КОМЕНДАНТСКИЙ ДОМ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ.
ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИЛИ СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Фотография, 1946 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

таешь?» (или, лучше сказать, не столько часто повторяли это слово, сколько давали мне чувствовать), хотя и не давали мне права принятия членов в Общество. Они мне немного надоели (особенно Рылеев), и должен я вам признаться, — хотя это и стыдно (но я решился быть совершенно, совершенно чистосердечным) — я их обманывал (в первый раз в жизнь мою). Я говорил этим господам: «Я работаю» (это их выражение), а между тем почти ничего не делал. Я с природы беспечен, немного ветрен, ленив, да и, ей-ей, не об том думал, да оно и к лучшему, уж так-то к лучшему, что бога благодарю.

Корнет князь О до е в с к и й

(д. 347, л. 7 об.).

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт, корнет л.-гв. конного полка, член Северного общества. Активно участвовал в подготовке восстания. Присутствовал на совещаниях у Рыльева. На Сенатской площади командовал пикетом в составе одного взвода Московского полка. Отбыл пять лет на каторжных работах, был переведен на поселение. Незадолго до смерти был определен рядовым в Отдельный кавказский корпус.

Растерянность, овладевшая некоторыми декабристами после поражения восстания, особенно ярко выражается в показаниях Одоевского. Сначала он признался в принадлежности к Тайному обществу, затем отказался от своих показаний и, наконец, вновь признался, всячески пытаясь умалить свою роль в Обществе.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Н. Н. ОРЖИЦКОГО

10 января 1826 г.

...2. Вечером 13 декабря, когда пошел я к Рылеву, не знал я совершенно ничего об их плане, а так как он имел доверенность по делам моим и в шестимесячное отсутствие мое не писал мне ни разу, то я хотел узнать, сделал ли он что-нибудь для меня или нет. Пришедши к нему, не застал его дома и, выходя, встретил его на дворе. Первое слово его было: «В какой роковой день ты приехал!» Тут позвал он меня к себе и сказал мне, как я уже объявил, что они на другой день действуют и что князь Трубецкой у них начальником. Я спросил его об делах моих, он и не думал завязаться оными; потом просил он меня, чтобы в случае неудачи я не покинул бы жены и дочери его, да к тому просил еще отыскать на юге, когда мне можно будет, Муравьева-Апостола и сказать ему, что они полагали выгодным действовать 14-го числа.

Все сказанное им так меня смутило, что я обещался исполнить его поручение, не зная сам, что делал¹.

3. Желание узнать, жив ли он и отобрать мою доверенность привело меня к Рылеву 14-го числа в седьмом часу вечера. Смущение и почти отчаяние, в котором я его нашел, заставили меня забыть совершенно мое дело, и, тронутый его положением, обещал ему не оставить его семейства. Тут подтвердил он просьбу свою отыскать Муравьева и сказать ему, что они полагали нужным действовать, но что все пропало, что Трубецкой и Якубович им изменили, что он ему советует оставить это, но что, впрочем, пусть делает, как заблагорассудит, он, Рылеев, ни во что уже не вмешивается. Я обещал исполнить поручение сие.

У Рыльева нашел я в то время морского адъютанта Бестужева, Каховского и двух незнакомых мне лиц. Спустя несколько пришел Пущин и немного погодя вошел незнакомый мне штаб-офицер водяных коммуникаций, остановился, как окаменелый, у дверей и, простояв минуты три² безмолвно, вышел. Пробыв тут с четверть часа, я оставил их.

Сношения мои с некоторыми членами Общества были единственно частные, и в совещаниях их и действиях никогда не участвовал, а доверенность, сделанная мне Рылевым, была основана, как я полагаю, на нашей дружбе. Другие же члены Общества, часто видел меня у него, вероятно, заключали по тому, что я также принадлежу к оному, а бывал я часто у него оттого, что всегда находил там многих литераторов, журналистов и все новости литературные, а так как я считал и знал его всегда за человека честного, то и препоручил при отъезде ему дела свои. Хотя и бывали иногда у нас разговоры о предметах политических, но планы Общества при мне никогда не были разбираемы.

Итак, не имея никаких причин скрывать мне известное, но надеясь откровенностию облегчить участь мою, покажу все по совести.

а) Если согласие мое на просьбу Рыльева, данное мною в такую минуту, в которую едва мог я собрать две мысли в порядке, сделало меня невольным членом Тайного общества, то я принят им же в ту минуту, когда он мне сказал про это. Предложение же Бестужева было мною отвергнуто³ (...)

д) Известные мне по собственным словам их члены были: Александр Бестужев, Рылеев, князя Одоевский и Оболенский. Наверное не знаю, но полагаю, что Рылеев и Оболенский действовали наиболее. Особы, которых я часто находил у Рылеева и которых потому только и полагаю сочленами, а в точности не знаю, кроме тех, которые оказались действиями своими 14 декабря и стали известны почти всему городу, суть: братья Бестужевы, Сомов, Грибоедов, Кюхельбекер, Пушкин, Каховский, Корнилович, Малютин, Завалишин, два брата Мухановы, Булгарин, Греч и Сабуров, что при графе Воронцове. Двух последних видел я не более двух раз там, а Дельвига видел только у Бестужева <...>

13-го числа, когда я был у Рылеева, немного спустя вошел незнакомый мне морской штабс-офицер, который, как мне кажется, — потому что истинно я так был смущен, что утвердительно сказать не могу, — взял пару пистолетов и вскоре ушел. Потом пришел Александр Бестужев и говорил с Рылеевым о каком-то письме Ростовцева. Когда я в задумчивости ходил по комнате, Бестужев, отворив находившийся позади меня в стене шкаф, позвал меня. Я обернулся, но в ту же секунду Рылеев, сделав знак Бестужеву, запер оный. Мне показалось, что там было оружие, но ясно не видел и не спросил у них ни об чем. При сем не лишним считаю сказать, что вообще я никогда у них ни об чем не спрашивал, а что они мне поверяли было без всякого на то моего искания. Вскоре после того я ушел.

Только 13 декабря узнал я от Рылеева, что есть на юге Общество, имеющее сношения с петербургским; он же мне сказал, что Польша усеяна тайными обществами, с коими они в сношении; со всеми ли или только с некоторыми — того он мне не сказал; члены оных обществ мне неизвестны <...>

После происшествия, когда я был у Рылеева, в разговоре было величайшее смятение, всякий говорил и никто не слушал; все, что я мог понять и упомнить, было то, что иные говорили, что хотели зажечь Сенат, но что князь Оболенский сопротивился тому, и потому сего не сделали; одни говорили, что надо было ретироваться по Новгородской дороге на военные поселения, другие — что надо было идти на пушки; я пробыл не более четверти часа и ушел.

Доверенность, которую ко мне имели Рылеев и Бестужев, которой я никогда не искал и которая ввергла меня в теперешнее мое несчастное положение, исходила от сходства мнений в некоторых отношениях и от привязанности, которую я им всегда оказывал и которую они принимали, как я теперь вижу, за согласие на их предприятия.

Признаюсь, что до самой той минуты, когда началось неустройство, я все полагал, что ничего не будет, тем более, что накануне сам Рылеев мне сказал, что у них только несколько офицеров Измайловского, Финляндского, Московского полков и гвардейского экипажа, но что нет ни одного не только полкового, но и батальонного командира...

(д. 382, лл. 15—16).

О Н. Н. Оржицком — см. выше, стр. 194.

¹ Каховский показал, что Рылеев намеревался послать кого-то на юг, чтобы поднять там восстание, но фамилии этого человека не знает.

² Очевидно, подполковник корпуса путей сообщения Г. С. Батеньков.

³ Оржицкий ранее показал, что А. А. Бестужев в 1823 или 1824 г. предлагал ему вступить в Тайное общество.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. Н. ПАСКЕВИЧА

9 апреля 1826 г.

Насчет того, кто имел у себя вольномысленные стихи из офицеров 3-й гусарской дивизии, скажу, что сочинения сего рода Пушкина, Рылеева и многих других были известны всем почти, кто только любил заниматься

чтением стихов, и в это несчастное время ослепления умов оные были читаны без всякого опасения один другому; у кого ж именно оные были переписаны, кроме нашего полка, мне действительно не известно, и я не могу назвать ни одного, у кого бы я видел оные списанные, не хотя к вине моей присоединить еще другую, сделавшись ложным клеветником. В нашем же полку оные находились списанные у штабс-ротмистра Жукова и у корнета Глотова...

(д. 94, л. 28).

Михаил Николаевич Паскевич — штабс-ротмистр Белорусского гусарского полка. По показанию С. И. Муравьева-Апостола, А. И. Тютчева и других, Паскевич был принят в члены Южного общества М. П. Бестужевым-Рюминым. Последний это подтвердил, но, в связи с упорным отрицанием Паскевичем своей принадлежности к Тайному обществу, от своих показаний отказался. Паскевич был признан виновным в сочинении и распространении вольнолюбивых стихов и в недонесении о существовании Тайного общества. После завершения следствия просидел два месяца в крепости, после чего был переведен в Иркутский гусарский полк.

ИЗ ПИСЬМА А. В. ПОДЖИО К В. В. ЛЕВАШОВУ

12 марта 1826 г.

...В октябре месяце <1823 г.> получил я записку от Муравьева <Матвея>, где он меня приглашает приехать к Пушкину в 10 часов вечера, куда я прибыл. Здесь были: Матвей Муравьев, Тургенев, Брыгин <Бригген>, Нарышкин, Оболенский, Пушкин, Митьков <...> Приступили к избранию трех директоров Северного общества. Пало на Тургенева, он отказался, говоря, что занятия его ему сие не позволяют, что уж столь был неудачен в правлении, что не хочет более того, но что от Общества не отклоняется. Избраны были: Никита Муравьев, Оболенский и кн. Трубецкой, здесь не находившийся. Всякий наименовывал членов к приятию. Я назвал Валериана Голицына. Пушкин — Рылеева, говоря, что с ним присоединится какое-то и морское общество, коего Рылеев член. Все это одобрили <...>

Отъезжая из Петербурга, мне Матвей Мур<авьев> препоручил сказать, что Никита Мур<авьев> все дело останавливает, что его должно сменить, что я и обещался. Перед выездом моим <из Петербурга, в декабре 1824 г.> мы съехались к Митькову. Между прочими был здесь и Рылеев. Я в нем видел человека, исполненного решимости. Здесь он говорил о намерении его писать какой-то катехизис свободного человека, знаю, весьма преступного <содержания>, и о мерах действовать на ум народа, как-то: сочинением песен, пародиями существующих иных, на подобие «Боже, спаси царя» — Пушкиным; пародировали и песнь «Скучно мне на чужой стороне».

Здесь говорил Рылеев о морских офицерах, и не помню точно, что предложено было насчет царской фамилии...

(д. 402, лл. 55 об. — 57).

Александр Викторович Поджио (1798—1873) — отставной подполковник. Один из деятельных членов Южного общества. Написал устав Общества, который, однако, принят не был. Обсуждал с Пестелем вопрос об истреблении царской фамилии (13 человек). Выражал недовольство слабой деятельностью Северного общества и требовал устранения Никиты Муравьева от руководства. После ареста Пестеля стремился поднять восстание и арестовать главную квартиру 2-й армии. Осужден на 20 лет каторжных работ. С 1839 г. на поселении в Иркутской губ. Скончался в имении С. Г. Волконского — Воронках.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. И. ПУЩИНА

31 декабря 1825 г.

В субботу 12 декабря для сего <с целью узнать намерения членов Тайного общества> пошел я к Рылееву, с которым давно знаком, но которого давно не видал. Он меня встретил тем, что: «Если хочешь быть нашим,

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Литография, 1825 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

я скажу тебе наше намерение» <...> Я же <...> воспользовался словами Рылеева, чтоб узнать, как намерение сие приведется в исполнение. Он мне сказал, что вся гвардия готова не присягать и что *они*, не называя кто, уверились в 50 офицерах, никого опять не называя поименно. Я тут говорил ему, побуждаем будучи чувством любви к брату и для спасения их всех, что 50 офицеров мало, что надо быть уверены во всей гвардии, чтобы что-либо предпринять. Он мне объяснял готовность всех полков, утверждая притом, что полк на полк не пойдет. Я же уверял его в противном. Он спрашивал меня, готов ли я буду действовать с эскадроном, потому что он бы мог годиться занять артиллерию, если генералу Сухозанету вздумалось бы стрелять <...>

Вечер того же 13-го числа вместе с братом хотел провести у Рылеева <...> В 7 часов один пошел к нему, никак не полагая найти у него общество. Прихожу и узнаю о присяге, должествующей быть на другой день; тут нашел офицера гвардейского экипажа, которого полагаю Арбузовым, наверное не утверждаю, адъютанта Бестужева, Гвардейского генерального штаба Корниловича, лейб-гренадерского офицера и двух людей во фраках, которых не знаю, один из них маленький в очках <...> Они говорили о готовности всей гвардии не присягать, уговаривались собираться на площадь у Сената <...> Тут приехал Московского полка Бестужев и князь Трубецкой, которого я вовсе не знал, вызвал всех в другую комнату и расспрашивал о готовности всех, они уверяли в своей готовности; я доказывал, что они так мало значущи, что никак не могут быть уверены, что другие последуют примеру их <...> Рылеев и Бестужев, видев, что дело их идет в разлад, сказали тут: «Господа, не надó терять сего удобного случая и назад не оглядываться, надо вам знать, что уже отчасти все известно государю, и вот бумаги, которые сие доказывают (и Рылеев показал из кармана не знаю какие бумаги, потому только, что не любопытствовал их смотреть), и потому не надо никакого отлагательства». Я на это сказал: «Что ж, лучше самому погибнуть и других погубить? Зачем играть в игру, где нет никакого шанса к выигрышу?» Адъютант Бестужев сказал: «По крайней мере, если погибнем, то будет об нас страничка в истории...»

14-го числа <...> Рылеев был у меня и говорил, что в первом показании сказано...¹

(д. 373, лл. 10—11).

О М. И. Пущине — см. стр. 196.

¹ В первом показании, без даты, Пущин писал: «Вчерашний день, когда я был дома, вскоре после присяги приезжал ко мне Рылеев, и спросил не медля, присягнули ли мы? На что отвечал: „Да“, и он известил меня, что весь полк московский на площади и что он едет в гвардейский экипаж...» (д. 373, л. 7).

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. Е. РОЗЕНА

<Без даты>

Обществу тайному не принадлежал. Я был воспитан с Рылеевым, почему и остался с ним знакомым. За всем тем со время выпуска моего из корпуса видал его токмо два раза: однажды у него, другой раз — у Оболенского.

Никаких слухов насчет 14-го числа до меня не дошло. Дней за восемь до сего видал я Рылеева и Оболенского, но разговор наш был совершенно чужд сему обстоятельству.

(д. 387, л. 6).

9 января 1826 г.

В тот же вечер <11 декабря> поехал я со штабс-капитаном Репиным навестить Рылеева, которого застали больного и читающего всеобщую историю. Говорили о ней и потом о неизвестности прибытия в столицу государя цесаревича, что она дает повод к разным догадкам. Во время разговора приезжали кавалергардского полка корнет Муравьев и офицер мне незнакомый, одетый в сюртук с красным воротником, кои через несколько минут уехали. Посидев у Рылеева всего с четверть часа, поехали с Репиным к полковнику Тулубьеву, коему сообщили слышанное нами, а потом разъехались по домам.

На другой день 12-го числа обедал у меня прапорщик Богданов, с коим поехал вместе к князю Оболенскому. Там застали Рылеева и шесть офицеров, всех мне незнакомых. Повторен был разговор, который имели накануне, с прибавлением, чтобы и людей отговорить от присяги, когда к оной будут принуждать, и вести их на Сенатскую площадь. На что мною было сказано Рылееву и князю Оболенскому, что сие могут только произвести полковой или батальонные командиры. — «Так пусть офицеры одни, верные государю своему, явятся на площадь», — возразили они, — а на вопрос мой: «Что будет там со стадом без пастыря?» — отвечали мне: «Все там будет, увидите и узнаете».

После сего я тотчас поехал к Репину, пересказал ему слышанное и виденное, а на другой день сообщил то же полковнику Тулубьеву, подпоручикам Насакиным и прапорщикам Мореншильдам...

(Там же, лл. 8 об. — 9).

Об А. Е. Розене — см. стр. 196.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. П. РОМАНОВА

<Без даты>

Летом 1824 года, у директора оной <Российско-Американской> компании Прокофьева, познакомился с поступившим в правители канцелярии оной компании г-ном Рылеевым, который вызвался стараться склонить директоров выполнить мой прожект. По возвращении моем из отпуска в марте 1825 года, начал я от г-на Рылеева иногда слышать о наших законах, как они неудобны в нашем государстве, и в судах долго дела продерживают. В июне месяце услышал от него похвалу конституциям некоторых монархических государств, а около половины июля, за несколько дней до отъезда его в деревню, открыл он мне об ихнем Обществе, как прежде показал. Будучи я уволен я <!> в отпуск, и в отставку подал по открывшейся у меня грудной боли и для выдела имения жены моей, то он упрашивал меня, чтоб отставку возвратил назад и приехал в Петербург, говоря, что в то время буду сделан членом, и откроется мне подробнее о сем Обществе и о членах оногo (только он сказал об одном Николае Бестужеве), в чем ссылаюсь на его, Рылеева, и на всех членов, которых я не знал, что никто из них не может сказать, чтоб видел меня в ихних заседаниях или собраниях (ежели оные существовали), или говорящего с кем-либо об Обществе или какую-либо принес ихнему Обществу пользу. Г-н Рылеев упрашивал, чтобы в деревне разглашал о пользе конституции в нашем государстве.

(д. 78, л. 3—3 об.).

1 февраля 1826 г.

Теперь опишу связь мою с Рылеевым и Николаем Бестужевым.

Во время трехлетнего моего служения в службе Российско-Американской компании был я в Северо-Западной Америке в наших колониях,

старался узнать тот край и народ, населяющий оный, чтоб после, чрез узнавание того края, не принесу ли какую-либо пользу государству.

Из вояжа вокруг света в отечество возвратился в исходе 1822 года.

В 1823 году подал я начальнику Морского штаба два проекта: 1-й — опись из Медной реки (в Северо-Западной Америке) до Гудзонова пролива и к северу — до Ледовитого океана. 2-й — опись от Ледовитого мыса к востоку, и чтоб экспедиция наша могла соединиться с экспедициею английскою, посланною под начальством Франклина.

Первый проект г-н начальник Морского штаба препроводил в Государственный адмиралтейский департамент, который, рассмотря, отослал в Главное правление Российско-Американской компании, так как сия опись долженствовала производиться в ее владениях; оное правление отвечало, что по возможности <проект> будет выполнен.

В 1824 году заместо г-на Зедеенского поступил в правители канцелярии оной компании г-н Рылеев. В бытность мою однажды у директора оной Компании Ивана Васильевича Прокофьева, случился тут же Рылеев, который со мною познакомился и отнесся ко мне, что, разбирая бумаги компанейские, увидел мой проект, который, рассматривая, находит, что от выполнения оного принесется Компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компаниею, а может быть еще откроется новая ветвь промышленности. Рылеев вызвался стараться согласить директоров, чтобы я был туда отправлен.

В исходе того же 1824 года отпросился я в отпуск и в Херсонской губернии Александрийского уезда женился; чувствуя расстройство в здоровье и для приведения имения в порядок, в декабре месяце подал в отставку. 1825 года в марте приехал в Кронштадт для получения оной, но замедление отставок по всему флоту остановило и мою. Бывая в Петербурге, относился к Рылееву, что хотя я и в отставку выйду, но, ежели Компания хочет употребить меня для выполнения проекта моего, то я готов.

Получая письма от жены из деревни, что она больна и беременна, отпросился я опять в отпуск и по высочайшему повелению уволен был на теплые воды. В июле месяце Рылеев уезжал в свою деревню; взял я от него, с позволения директора Прокофьева, кипу бумаг из дел Компании о том крае, где думал произвести экспедицию, чтоб еще лучше рассмотреть и размыслить, и просил у него, чтоб он уведомил, когда Компания согласна будет, а ежели нет, то нельзя ли доставить мне место в Южной вновь учрежденной компании по рекам под председательством адмирала Мордвинова (Рылеев хорошо был принят в доме Мордвинова), ибо я мог находиться поблизости своей родины.

1 августа, уезжая из Петербурга, оные бумаги оставил у Н. Бестужева, чтоб доставил Рылееву, когда он придет.

<...> В деревню приехал 14 августа, уведомил Рылеева, и, кажется, в половине октября он отвечал (только одно сие письмо я от него и получил). Между прочим пишет о службе Компании и спрашивает, намерен ли я приехать назад, и пеняет меня, что я поместил некоторые статьи в прочих журналах, а позабыл «Соревнователя», и просит, чтоб я прислал и для оного.

Я отвечал, что от него ожидаю известия, что готов оставить свои дела для службы Компании и прошу за делами по случаю смены главных правителей в Америке (ибо заместо Муравьева назначен г-н Чистиков) не забыть уведомить меня.

Он более мне не отвечал. В начале декабря послал я к нему письмо, где между прочим прошу, чтоб уведомил, могу ли надеяться, чтоб препоручили на Севере вышеупомянутую опись в Северной Америке, а не то

постараться найти место на Юге во вновь учреждаемой Компании по рекам. При конце приписываю, что мысли мои насчет полезного те же, какие были в последний раз свидания нашего, ибо по рассмотрении бумаг, которые брал из Главного правления, чтоб лучше сообразить цель моей экспедиции и пользу оной, нашел, что она будет полезна для Компании. По бытности Рылеева в деревне, когда я уезжал из Петербурга домой, я его не видел, а бумаги оставил у Н. Бестужева для отдачи ему, когда возвратится.

Не получая от него ответа, полагая, что занят делами по случаю смены главных правителей в Америке или заболел, написал я в декабре же письмо к директору Компании Прокофьеву о том же самом предмете.

Вышеописанный проект мой напечатан в прошедшем году в московском журнале «Телеграф».

В 1824 году г-н Булгарин в своих «Литературных листках» № 15 говорит: «Романов подал предначертание экспедиции к северу, которую готов предпринять по следам знаменитого Франклина».

Мысли мои насчет предначертания экспедиции и полезного Компании и какую оной принесет пользу напечатаны в журнале «Северном архиве» прошедшего 1825 года, в 18 №, под литерами В. Р.

Вот мое отношение насчет знакомства с Рылеевым: я у него один раз обедал и не более семи или восьми раз был на квартире, каждое посещение продолжалось не более полчаса или часу. Иногда виделся с ним в канцелярии главного правления Российско-Американской компании; обедал с ним несколько раз у директора Прокофьева и раза два у Булгарина.

(Там же, лл. 6—8).

О В. П. Романове — см. стр. 198.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ О. М. СОМОВА

30 декабря 1825 г.

В заключение имею честь объяснить Тайному комитету, что связь моя с А. Бестужевым и Рылеевым была с самого начала и до конца совершенно литературная, и советов и сотрудничества они требовали только по изданию «Полярной звезды», иногда же читали мне литературные свои произведения. У меня был совершенно особый круг знакомств и домов, которые я посещал. С Рылеевым, служа в одном месте, виделся я почти каждое утро, но здесь разговор наш ограничивался делами Российско-Американской компании.

(д. 164, л. 4 об.).

Об О. М. Сомове — см. стр. 199.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ К. П. ТОРСОНА

17 апреля 1826 г.

...Весною 1825 года Бестужев объявил о революционном намерении Общества и предположении ввести республику <...>

Впоследствии времени узнал, что Рылеев и Бестужев 2-й находятся в сем же Обществе. Весною 1825 года Бестужев объявил мне (хотя ему не известно по каким причинам), что Рылеев поступил в 1-й круг, но не сказывал о прочих. До середины лета 1825 года я сносился с одним Бестужевым, но в это время и с Рылеевым <...>

Я бывал у Рылеева и Бестужева <...> Около середины лета 1825 года Рылеев в первый раз объяснился со мною; предлагал мне принять в Об-

щество Завалишина и выведать, в чем состоят тайны английского общества, в которое он там вступил и о котором писал к покойному императору, и сказал мне, что он уже принял его, но Завалишин не объявляет ему. Мой ответ был: если Завалишин не объявил раз, то и мне не объявит, и прибавил: для чего принимают в Общество молодых офицеров, что для Общества полезнее старшие. Тогда Рылеев сказал, что Завалишина надо перевести в Кронштадтский экипаж, чтоб он там составил Общество. Я отвечал, чтоб Завалишин просил сам о переводе, но не думаю, чтоб прежде общего расписания (которое бывает около февраля) его перевели. Рылеев сказал, что надо стараться спешить, ибо дела в армии в таком состоянии, что едва можно удерживать. Надо, чтоб Завалишин составил Общество¹, в котором я или Бестужев будет главным; тогда я спросил его, к чему поведет набор лейтенантов и мичманов. Тогда Рылеев с укоризною сказал, что я и Бестужев не хотим действовать деятельно, по сие время в Кронштадте ничего не сделано. Мой ответ был, что из такого Общества ничего не выйдет, сие бесполезно. Тогда Рылеев сказал, что при восстании войск в Петербурге мне или Бестужеву ехать в Кронштадт, где при помощи членов возмутить матрос<ов>, сменить начальство и принять город и крепость под свою команду. В этом я решительно отказал ему за себя, прибавя, что не думаю, что и Бестужев взял такое поручение <...>

В начале (как помнится) декабря 1825 года Рылеев спросил, можно ли иметь надежный фрегат, т. е. положиться на капитана и офицеров. Я отвечал: «Не знаю, но если меня сделают начальником, не знаю офицеров, но думаю, что может быть», — и спросил его: для чего это? — «Отправить царствующую фамилию за границу».

На сие отвечал я: «Нет нужды отправлять морем. Фамилия может ехать сухим путем, если не станут удерживать, но думаю, что царствующей фамилии надо оставаться в России» (перед сим временем уже было решено против жизни царствующих особ). Я спросил его о сем намерении. Рылеев отвечал:

— Переменили и намерены отправить.

— Если не <!> намерены, тогда изберите императора, который примет предлагаемые меры.

— Но на это время надо удалить, — отвечал он

— Так оставьте жить во дворце, — сказал я.

— Здесь в Петербурге нельзя, — отвечал он. — Разве в Шлиссельбурге; там приставлен бывший Семеновский полк; в случае же возмущения — пример Мировича.

На это я сказал ему более в насмешку:

— Итак, там все лишатся жизни?

Но он, <не> поняв меня, отвечал:

— Зачем всех лишать?..

Обратясь к моим мыслям, я доказывал о необходимости в России императора, преимущество в сем отношении английской конституции пред американской. Он отвечал:

— В нынешнее время Наполеону быть нельзя...

(д. 361, лл. 21 об.—25 об.).

Константин Петрович Т о р с о н (около 1795—1851) — капитан-лейтенант флота, адъютант начальника Морского штаба, член Северного общества. Выполнял задания Рыльева по усилению влияния Тайного общества во флоте. В восстании 14 декабря не участвовал. После восьми лет каторжных работ жил на поселении в Сибири.

¹ Н. А. Бестужев подтвердил это показание и добавил, что Рылеев «о Завалишине получил совершенно противные понятия, нежели прежде, и просил <...> его остерегаться, о чем я известил Арбузова» (д. 361, л. 38 об.).

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ

9 февраля 1826 г.

...Об изменениях Общества, об отраслях, о центрах и отделениях я ничего не знал и теперь не знаю. Однажды только в 1824 году г. Рылеев мне сказывал, что Общество давно уж составилось, но Семеновская история расстроила: некоторые испугались и объявили, что не хотят принадлежать к Обществу. Рылеев заключил сей рассказ сими словами, кои остались у меня в памяти: «Да оно и лучше, знаешь, что которые послабее характером — вышли. Тем безопаснее» <...>

О составлявших Коренной совет Думы и Управы, о членах и о взаимных их действиях мне ничего не было открыто. Г-н Рылеев мне сказал только, что в Петербурге существует Комитет. А когда я, предваряя его, что орудием ничьим я быть не могу и не хочу, просил, чтобы он, если хочет видеть меня действительным членом, объявил мне все, то он мне сказал: «Этого теперь нельзя; это запрещается; но я представлю тебя одному из членов Комитета». Однако ж тем кончилось, что я уехал в Москву, не выдав никого. При расставании он меня просил познакомиться с Пуциным, сказав, что «он тебе все расскажет» <...>

О времени и местах совещаний, равно как и о надеждах и пособиях, ничего не знаю. Относительно лиц, известных в государственной службе, подкреплявших своим участием надежды Общества, ничего, кроме показанного мною относительно господ Сперанского и Орлова, не знаю. Припомню, однако ж, что г. Рылеев не однажды вспоминал об обер-прокуроре Столыпине¹. «Вот был человек, — говорил он, — как жаль, что умер!» Кроме сего, в последнее время, помнится мне, что он мне однажды сказал: «Сходить, было, к Мордвинову, попробовать его, что скажет», — но был ли и говорил ли что, мне уже не случилось отом слышать <...>

О Пестеле только слышал от г. Рылеева, что он находится во второй армии, и человек с головою и характером <...>

В конце сентября месяца <1825 г.>, когда я, по недоверенности моей к учебным заведениям в Москве относительно соблюдения нравственности, решился трех подрастающих своих сыновей везти в С.-Петербург, г. Пущин при прощании сказал мне, смеючись: «Узнайте, пожалуйста, что там подделывают наши либералы, да познакомьтесь с князем Оболенским». Приехав в Петербург, я остановился у г. директора Российско-Американской компании Прокофьева, и следовательно — в одном доме с г. Рылевым; я тотчас увиделся с ним и передал ему вопрос г. Пущина. Он мне более ничего не сообщил, кроме того, что Общество действует и усиливается. «Вот увидим, — сказал он, — как возвратится государь, что-нибудь да предпримем. Во второй армии горячились было и хотели, чтобы не откладывать, но их остановили — нужно еще погодить».

Занявшись определением детей моих, я даже редко, и то на короткое время, виделся с ним. Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен Рылевым к меньшому Ростовцеву² на чтение отрывка из сочиненной им трагедии «Пожарский»³, изготовленного для помещения в «Полярную звезду», я увидел тут в первый раз князя Оболенского и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочитанного потом Рылевым пролога к его трагедии «Хмельницкий»⁴, другого предмета разговора не было <...>

27 числа, рано поутру, Рылеев прислал ко мне записку, чтобы я пришел поговорить о болезни государя. Меня это удивило; я был занят, однако ж, и потому не пошел к нему. Вскоре он сам пришел и сказал, что сомневается в самой жизни государя; пошел узнать о сем и, возвращаясь в 12 часу, сказал: «Кончено, государя более нет; присягают Константину Павловичу». Вечеру он мне рассказал подробно, что происхо-

дило в Совете и во дворце, и между прочим говорил: «Теперь ничего; солдаты преданы цесаревичу; надобно остановиться в предприятиях и посмотреть, что будет» <...> Тайна, какая соблюдалась при дворе, различные толки и догадки публики подстрекали любопытство, и я стал учашать каждодневно <посещения> г. Рылеева, который обо всем получал верные сведения. До 12-го числа, однако ж, не приметно было никакого особенного движения в навешавших его членах Общества, ибо он был болен. Но тут открылось решительно, что цесаревич отказывается и что ныне царствующий государь воспринимает престол. Уверенность, что государь не любим в гвардии и что она неохотно присягнет, приметно возбудила умы и сердца. Начались частые приезды к г. Рылееву и рассуждения. Я заметил, что Александр Бестужев и Каховский, которого в это только время узнал, были пламенными террористами. Помнится мне, что именно 12-го числа, пришед к Рылееву, я застал Каховского с Николаем Бестужевым, говорящих у окошка, и первый сказал: «С этими филантропами ничего не сделаешь; тут просто надобно резать да и только; иначе, если не согласятся, то я первый пойду и сам на себя все объявлю». Я в тот же вечер сказал о сем Рылееву с укоризною, и он мне отвечал: «Не беспокойся, он так только говорит. Я его уйму; он у меня в руках». В это же время он мне объявил, что для лучшего действия князя Трубецкого избрали диктатором. Впрочем, я нигде на совещаниях не был и ни у кого, кроме Рылеева, с которым одним только и говорил, всегда убеждал в одном и том же, что если цель Общества есть свобода отечества и водворение прочного порядка, то неприлично дело столь святое начинать беспорядками, бесчинством и кровопролитием. Насчет даже намерений против царской фамилии я представил ему благородный пример Швеции — и он, казалось, во всем соглашался со мною и уверял, что до кровопролития не дойдет и не допустят.

(д. 360, лл. 20—27).

30 апреля 1826 г.

Еще в 1824 году Рылеев говорил мне: «Нельзя ли в Москве приобрести членов между купечеством, которые могли бы быть полезны пособиями и приуготовлением других из своего сословия к свободным правилам, так как в Москве центр всего русского купечества». Но чтобы он адресовался ко мне по одобрению Северной думы, того мне не сказывал. Самое имя сие <Северной думы> мне было неизвестно. Хотя после из конституции я видел разделение на управы, под ведением Думы, но полагал, что это только предположение, а что существует уже — не знал. На вопрос Рылеева я тогда решительно ему ответствовал, что в Москве на купечество нельзя рассчитывать, ибо нет ни одного, которому бы можно безопасно верить тайну Общества, что один только Селивановский — известный типографщик — пообразованнее других, но что, впрочем, он не капиталист, а притом и без приема в Общество содействует одному изданию книг, к распространению свободных понятий служащих. Так мы с Рылеевым и расстались. По сему поводу он после адресовался к Селивановскому чрез Пущина о напечатании своих «Дум» и «Войнаровского».

(д. 360, лл. 34 об. — 35).

<Без даты>

Убеждая Рылеева и доказывая ему, — как я то и в прежних ответах показал, — что Россия к быстрому перевороту не готова, что у нас и в самих городах нет настоящего гражданства, что внезапная свобода подаст повод к безначалию, беспорядкам и неотвратимым бедствиям и что для предупреждения всего того необходимо, чтобы конституция введена

была законною властью, я просил его согласить Общество возвести на престол императрицу Елисавету Алексеевну <...>

...Рылеев, не отвергая доводов, говорил только, что, может быть, возникнет партия совсем с другими побуждениями и тогда еще хуже нельзя будет успеть ни в чем, однако ж хотел говорить. Последнее мое покушение на Рылеева было 9, 10 или даже 11-го числа декабря, когда начали решительно говорить в публичке об отречении государя-цесаревича. Рылеев был еще нездоров; я пришел к нему поутру и, начав говорить о сем, между прочим сказал: «Если подлинно цесаревич отрекается и если вы действительно уверены, что гвардия не любит великого князя и не присягнет ему, то что же может быть благоприятнее случая сего для возведения на престол Елисаветы?». Тут вынул я на небольшой бумажке написанный мною приказ к войскам и прочитал <...> Рылеев в три разные приема прочитал этот приказ, чтобы вытвердить наизусть, и также обещал говорить с другими <...> Когда я увидел, что Рылеев мое предложение и мысли не уважил, то я более не возражал ему ни в чем и на все, что бы мне ни говорил о последнем плане — как то он показывает — я отвечал: «Хорошо».

(Там же, лл. 36—38).

О В. И. Штейнгеле — см. стр. 202.

¹ Аркадий Алексеевич Столыпин — обер-прокурор Сената, зять Н. С. Мордвинова, приятель М. М. Сперанского, умер в мае 1825 г.

² Яков Иванович Ростовцев.

³ Отрывок опубликован в «Московском вестнике», 1827, № 14.

⁴ Пролог в отрывках публикуется в настоящем томе, стр. 59—63.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ХСІХ ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА

7 апреля 1826 г.

...Были даны очные ставки поутру в Петропавловской крепости <...>

11. Титулярному советнику Горсткину с коллежским асессором Пущиным. Горсткин, опровергая показание Пущина о суждении, бывшем в вышеозначенном собрании у Тучкова и принятом там намерении, удостоверяет, что было только рассуждаемо о поэме Рылеева «Войнаровский», а Пущин остался при своем показании¹.

Положили: взять в соображение.

12. Губернскому секретарю Кашкину с коллежским асессором Пущиным для определительного пояснения того ж показания. Пущин подтвердил свои слова, а Кашкин, отрицаясь, удостоверил, что у Тучкова ни о чем другом, как о поэме «Войнаровский», рассуждаемо не было.

Положили: взять в соображение.

(д. 25, лл. 287 об. — 288).

¹ И. И. Пущин показал, что у А. А. Тучкова было два собрания, на которых обсуждались политические вопросы и «было положено стараться уничтожить рабство крестьян» (д. 25, л. 287 об.).